

Виктор Точин

**Остров
без
сокровищ**

Виктор Точинов

Остров без сокровищ

«Точинов Виктор»

2011

Точинов В. П.

Остров без сокровищ / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
2011

История о закопанных на далеком острове сокровищах пирата Флинта знакома всем: кто не читал знаменитый роман Роберта Льюиса Стивенсона, тот хотя бы видел одну из многочисленных экранизаций... Все сопереживали героям в их приключениях, и с замиранием сердца следили за отчаянными схватками, и радовались, когда честь и мужество одержали верх над низостью и предательством, и... И ошибались. Потому что все приключения на Острове Сокровищ происходили **СОВСЕМ ИНАЧЕ**, чем в истории, рассказанной Джимом Хокинсом, сыном трактирщика. Новое и неожиданное прочтение классической книги – в романе-расследовании Виктора Точинова «**ОСТРОВ без СОКРОВИЩ**».

© Точинов В. П., 2011

© Точинов Виктор, 2011

Содержание

Предисловие. Код Стивенсона	5
Часть первая	8
Глава первая. Литератор Джим Хокинс	8
Глава вторая. Двойная жизнь м-ра Хокинса-старшего	15
Глава третья. Многоликий доктор Ливси	23
Глава четвертая. К вопросу о точной дате	32
Глава пятая. Как фехтуют на кортиках, или Где алмазы Черного Пса?	41
Реконструкция № 1: Визит Черного Пса	51
Глава шестая. Крестный отец Трелони	53
Глава седьмая. Тайная жизнь доктора Ливси	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Виктор Точинов

Остров без сокровищ

Предисловие. Код Стивенсона

Читать в зрелом возрасте книги, любимые в детстве и юности, – занятие неблагодарное. Можно весьма и весьма разочароваться: тот же текст, те же иллюстрации и обложка та же, разве что бумага чуть-чуть пожелтела... И всё не так. Исчезло чудо, превращавшее бумагу и типографскую краску в манящий увлекательный мир, заставлявшее торопливо перелистывать страницу за страницей...

Оно, чудо, еще здесь. Но уже не для нас. Древний грек по имени Гераклит изрек: в одну реку дважды не войти, – и в течение тысячелетий фразу толкуют в том смысле, что меняются реки... А реки те же – те же берега, та же вода (Гераклиту простительно, он ничего не знал о круговороте воды в природе).

Реки те же. Меняются люди. И книги те же – все перемены произошли с читателем. А если он, бедолага, в ходе перемен умудрился и сам стать писателем, – вообще беда. Наметанным писательским взглядом еще легче увидеть в любимой книжке, представлявшейся в детстве шедевром, много нового и неприятного: стиль тяжеловесный; сюжет толком не проработан и зияют в нем логические провалы с каньон Рио-Гранде размером; экспозиция безбожно затянута, а финал небрежно скомкан; персонажи постоянно выпадают из образов – произносят слова и совершают поступки, которые ну никак не могут произнести и совершить; и рояли, рояли, рояли по кустам – больше, чем на рояльной фабрике.

И разочарованный писатель, повертев книгу в руках, возвращает ее на полку. Незачем, дескать, приобщать сына к чтению при помощи столь дурно написанного опуса. Зря... Когда возникает чудо, мелкие недостатки (и даже не совсем мелкие) нисколько не заметны.

Но есть книги другие, их значительно меньше.

Они увлекали в детстве – лихим сюжетом, захватывающими приключениями, мужеством и благородством героев. Задумываться при чтении не приходило – быстрее, быстрее, страница за страницей... Кто победит? Чем все закончится?

А в зрелом возрасте при внимательном чтении те же книги вызывают уйму вопросов. Что хотел сказать автор этим эпизодом, вроде бы совсем не нужным в повествовании? А вот этот намек зачем торчит из текста, ни на что по видимости не указывая? А вот эта логическая нестыковка, явно неслучайная, – какой смысл вкладывал в нее автор? Ружье зачем висит на стене, в конце концов, – автор о нем помнит, несколько раз поминает о нем словно бы невзначай, – так отчего оно так и не выстрелило?

Вопросов много, и если заняться тщательным и вдумчивым поиском ответов – они, ответы, постепенно складываются в законченную картину, логичную и непротиворечивую. Вскрывается второй слой романа, предназначенный для немногочисленной категории читателей, привыкших не просто следить за перипетиями сюжета, но и глубоко задумываться над прочитанным...

Одна из таких книг – «Остров Сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона. Незамысловатая приключенческая история для юношества, за которой скрыт второй смысловой слой. Стивенсон даже не зарывает его чересчур глубоко, используя излюбленную классиками приключенческого жанра форму подачи материала под условным названием «Рукопись, найденная в бутылке». Историю нам рассказывает не Стивенсон – сын трактирщика Джим Хокинс, ставший юнгой на корабле, а затем весьма удачливым кладоискателем.

Автор, естественно, знает всё, изнанку любого события, на то он и творец своего мира, своей вселенной. Но авторская речь не звучит – рассказ ведет другой человек, способный ошибиться в оценке событий, не понять происходящее, позабыть какой-то факт или разговор... Умолчать о чем-либо в своих интересах, а то и попросту соврать, – тот, кто никогда и ни по какому поводу не врал, пусть первым бросит в Джима Хокинса камень.

Однако в воле автора указать нам, внимательным и вдумчивым читателям, где Джим Хокинс отступает от истины в своем мемуаре, преднамеренно либо нет. Такие указания рассыпаны по тексту романа очень щедро, равно как и недвусмысленные намеки на действительно происходившие события. Истинную картину восстановить вполне возможно.

Но второй, глубинный слой имеет не только сюжетная канва романа, не только приключения героев. Сами герои – и антигерои – тоже ох как не просты... Хотя и здесь на первый взгляд всё ясно и понятно: вот благородные джентльмены, вот противостоящие им гнусные злодеи, и чье здесь дело правое, ясно любому пятикласснику, торопливо перелистывающему страницы «Острова Сокровищ», торопливо глотающему главы, нашпигованные приключениями...

Но, если перечитать книгу неторопливо и вдумчиво, становится ясно: каждый персонаж здесь не так уж прост и почти у каждого имеется двойное дно.

* * *

Тема двойной сущности любого человека – одна из центральных в произведениях Стивенсона. Раскрывается она в каждой книге по-разному.

Квинтэссенция рассуждений мэтра на эту тему – «Необычайная история доктора Джекила и мистера Хайда» – там рассматривается не только психологический дуализм личности, но и полное физическое раздвоение.

В историческом романе «Черная стрела» тоже почти все персонажи совсем не те, кем представляются с первого взгляда. Прокаженный нищий оборачивается дворянином и рыцарем, а чуть позже – убийцей и изменником; мальчик, скитающийся с главным героем по лесам, – на деле очаровательная девушка; сам главный герой изображает монаха и так далее...

Но «Черная стрела» прямолинейна, написана в расчете на аудиторию весьма юного возраста, на читателей, абсолютно не склонных домысливать недосказанное автором. Маски держатся на героях едва-едва, и автор сам срывает их при первом удобном случае.

«Остров Сокровищ» значительно сложнее для понимания. Здесь тоже почти у каждого персонажа есть своя изнанка, свое двойное дно, но срывать маски и выкладывать подноготную своих героев Стивенсон не спешит. Предоставляет читателю выбор: либо следить, особо не задумываясь, за лихими приключениями, либо читать вдумчиво, пытаясь понять, что на самом деле представляет из себя тот или иной персонаж, каковы истинные мотивы его слов и поступков.

Ключ к пониманию замысла Стивенсона – образ Джона Сильвера. Он, без сомнения, центральный и самый яркий персонаж книги, доктор Ливси и сквайр Трелони выглядят на его фоне бесплотными тенями. Не случайно первый вариант романа публиковался в журнале «Янг Фолкс» под названием «Судовой повар».

Две ипостаси Сильвера – вожак пиратов и добродушный судовой повар – переплетены настолько органично, в каждой роли Долговязый Джон настолько естественен, что под конец, в предшествующих развязке главах, голова у юного Хокинса идет кругом: он прекрасно знает о двойной игре Сильвера и всё равно не понимает, когда тот говорит правду, – когда обещает пиратам перерезать всех положительных героев, или когда обещает положительным помочь расправиться с пиратами...

Фокус в том, что Сильвер говорит правду *в обоих* случаях. Мгновенно и без всяких химических снадобий переходит из ипостаси Хайда в ипостась Джекила и обратно.

Дуализм, двойственную природу Сильвера подчеркивает даже его прозвище. Нет, не Окорок. Окорок целиком и полностью лежит на совести переводчика, а в оригинале прозвище у Сильвера – Барбекю, Barbecue. (Конечно же, о пикнике с жареным мясом речь не шла, пикники-барбекю – американизм нового времени.) Одно значение этого прозвища – целиком зажаренная или закопченная туша. Туша – нечто массивное, а Сильвер мужчина крупный. К тому же прокопчен и прожарен в тропических и экваториальных широтах.

Но вместе с тем барбекю – приспособление для жарки, то есть Сильвер не только прожарен – он и сам может поджарить любого так, что мало не покажется. Куда более емкое прозвище, чем навевающий лишь мысли о еде Окорок.

Столь подробно раскрыв одного персонажа, Стивенсон словно предлагает нам, читателям: а попробуйте-ка сами сделать то же самое с остальными героями книги. И с антигероями. А потом сравним героев и антигероев и поглядим, кто из них чего на самом деле стоит...

Хорошо, мэтр. Мы попробуем.

Реставрацией мы и займемся на последующих страницах со всей осторожностью – снимая слой за слоем, восстанавливая замысел мастера. Инструменты, как и полагается при реставрационных работах, самые разные – и беспристрастный анализ первоисточника, и реконструкции некоторых узловых моментов сюжета, изложенные в художественной форме...

Жанровую принадлежность нашего исследования определить трудно. Наверное, это все-таки детектив – а как еще можно назвать восстановление по намекам, по малозаметным уликам истинной картины кровавых событий?

Весьма своеобразный детектив, литературно-исторический.

Но увлекательный – законы жанра обязывают.

Часть первая

Театр масок в «Адмирале Бенбоу»

*Все лица знакомы, но каждый
Играет чужую роль...
Для того чтоб хоть что-то в этом понять,
Нужно знать тайный пароль.*
М. Науменко. Уездный город N

Глава первая. Литератор Джим Хокинс

В классической приключенческой литературе девятнадцатого века существовали правила хорошего тона, нигде не записанные, но всеми соблюдаемые. Одно из них предписывало: необходимо сразу же, с первых строк, дать понять читателю, где и когда происходит действие. Не «давным-давно в некотором царстве», как принято в сказках, а вполне конкретно – год, место...

«Три мушкетера» Дюма-отца начинаются так: «В первый понедельник апреля 1625 года всё население городка Менга...» А вот еще один образец первой фразы: «26 июля 1864 года при сильном северо-восточном ветре мчалась на всех парах вдоль Английского канала великолепная яхта...» – так начинаются жюль-верновские «Дети капитана Гранта», всей классике классика.

В других романах корифеев жанра та же картина, любой читатель может при желании подойти к своей книжной полке, вытащить оттуда томик приключенческой классики и убедиться... Исключения есть, но крайне редки и лишь подтверждают правило.

Упомянутое правило не просто нарушено в первом же абзаце «Острова Сокровищ» – но нарушено весьма демонстративно. Так прямым текстом и написано: место действия названо не будет. Необходимость хранить в тайне координаты места грядущих событий автор мемуара Джим Хокинс мотивирует (по первому читательскому впечатлению) достаточно правдоподобно: на том острове, дескать, до сих пор имеются не откопанные богатства.

Но позже, после прочтения описания карты острова, впечатление правдоподобия напрочь исчезает. Остров Сокровищ – не крохотный клочок земли в океане, его наибольшая длина девять миль, наибольшая ширина – пять. Не зная точного места, где зарыт клад (и не имея металлоискателя), можно всю жизнь потратить на поиски и ничего не найти.

Бывает магия больших цифр, но встречается и магия малых. Пять и девять – числа небольшие, однозначные, и при чтении кажется, что остров невелик. Но так только кажется.

Для наглядности сравним с другим островом, неплохо россиянам известным, – с Васильевским островом в Санкт-Петербурге. Питерцы могут вполне наглядно представить его размеры, равно как и многие гости города на Неве. Так вот, Васильевский остров значительно уступает Острову Сокровищ по размерам. Его максимальная длина – чуть больше четырех миль (4,101 для поклонников скрупулезной точности), максимальная ширина – 2,6 мили. Это если считать в сухопутных милях, а в морских цифры получатся еще меньше.

Но если сейчас широко оповестить население северной столицы, что в каком-то неизвестном месте Васильевского острова зарыт клад, состоящий из серебряных монет и слитков, а в другом схоронено старинное оружие, едва ли толпы петербуржцев устремятся к метро, дабы отправиться на станцию «Василеостровская». Даже если имеют в хозяйстве металлоискатели. Потому что понимают: Васильевский остров велик, хоть и составляет по площади всего лишь около четверти Острова Сокровищ, и без знания точного места поиски бессмысленны. Вложе-

ния в экспедицию – пусть это всего лишь два жетона на метро и несколько часов времени – не окупятся. А уж с другого края глобуса точно никто не поедет искать клад, закопанный в неизвестном месте Васильевского острова.

А в нашем случае еще интереснее: Хокинс молчит о местонахождении острова и при этом рассказывает, *где именно* на нем зарыты оставшиеся части клада! Дословно цитирует запись на карте:

«Слитки серебра в северной яме. Отыщешь ее на склоне восточной горки, в десяти саженях к югу от черной скалы, если стать к ней лицом.

Оружие найти легко в песчаном холме на С. оконечности Северного мыса, держать на В. и на четверть румба к С.».

Никчемная информация, если не знать, где расположен остров? Нет, не такая уж она никчемная... Дело в том, что шестеро удачливых кладоискателей (сквайр, Ливси, Хокинс, Грей, капитан и Бен Ганн) обладают отнюдь не монопольным знанием координат острова. Кроме них, этой информацией владеют:

- Джон Сильвер;
- мистер Блендли (тот самый, что должен был снарядить на остров спасательную экспедицию, если «Испаньола» не вернется к назначенному сроку);
- люди, никак не связанные с сокровищем Флинта, но бывавшие на острове и способные опознать его по подробному описанию Хокинса;
- капитан и экипаж судна, оставившего на острове Бена Ганна;
- пираты из шайки Флинта, по тем или иным причинам не попавшие на борт «Испаньолы».

Это самый минимальный список. Учитывая легендарную болтливость сквайра Трелони, круг посвященных может быть гораздо шире.

Вывод прост: Джиму Хокинсу не стоило опасаться наплыва кладоискателей в результате разглашения координат Острова Сокровищ. А вот про места, где схоронены остальные части богатства, лучше бы промолчать.

Однако Хокинс поступил ровно наоборот: координаты не разгласил, а места, где зарыты ценности, разболтал.

Почему?

* * *

С датой дело обстоит еще интереснее. Дата в первых же строках указана, но... Но с точностью до века: 17.. год. Причем лишь на первый взгляд с точностью до века. Если немного задуматься, то получается – с точностью до двух веков. Потому что датированы не сами приключения, а тот момент, когда мемуарист Джим Хокинс решил поведать о них миру... Может быть, он взялся за чернильницу и гусиное перо по горячим следам событий, а может быть – глубоким старцем, спустя многие десятилетия. Во втором случае события, ставшие основой сюжета, вполне могли происходить в предыдущем веке. Да и в первом случае тоже, если дата 17.. на деле означала 1700 год.

Но нет, во второй части мемуара появляется наконец и датировка описываемых событий – первым марта 17.. года датировано письмо Трелони из Бристоля. Ну что же, по крайней мере со столетием мы определились.

Продолжив чтение, в тексте можно найти достаточно намеков, позволяющих датировать происходящие события. Но поначалу возникает вполне закономерный вопрос: а почему Хокинс-мемуарист столь старательно скрывает даже дату создания мемуара? Добраться до остающихся на острове сокровищ эта дата никоим образом не поможет, и даже датировать приключения героев не позволит – для того достаточно всего лишь не указывать, сколько времени

прошло между событиями и их описанием... Однако новоявленный литератор Джим Хокинс не написал две последние цифры в дате...

Или всё же написал, а затем зачеркнул? Возможен и такой вариант, но куда более вероятным представляется третий: написать-то пресловутые две цифры Хокинс написал, но зачеркнул их кто-то другой...

Кто?

* * *

Ответ лежит в том же самом абзаце, в самой первой фразе романа: «Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать всё, что я знаю об Острове Сокровищ».

Попросили... Понятно. Но почему именно его? Возможно, у Джима и в самом деле незаурядный талант рассказчика, но излагать свои мысли и воспоминания на бумаге он явно не приучен. Неоткуда взяться у Джима Хокинса таким навыкам...

Что мы знаем об образовании юного Хокинса? На первый взгляд, нигде в тексте романа эта тема не поднимается, а на второй – в тексте достаточно намеков на то, что образование у Хокинса самое начальное: обучен читать-писать да азам арифметики...

Юный Джим не обучался ни на богослова, ни на юриста, ни на морехода, ни на медика... Он обучался доходному ремеслу трактирщика. Причем самым простым способом – помогая отцу и матери управляться с трактиром «Адмирал Бенбоу». Ремесло, без сомнения, почтенное, но навыков в латыни или риторике не требует. Равно как и умения излагать свои мысли на бумаге.

Да и где бы Джим Хокинс мог получить образование? Он сам откровенно пишет, что всю жизнь (до экспедиции за сокровищами) провел в отчем доме, никуда не выезжая, и даже поездка в близлежащий Бристоль – первое его путешествие: «Я простился с матерью, с бухтой, возле которой я жил с самого рождения...»

А рядом с бухтой и с домом Хокинса университетов нет. Рядом с его домом, в полумиле, – небольшая деревушка. Какие учебные заведения могли в ней располагаться? Лишь самая начальная школа.

Однако Джим Хокинс за мемуар взялся. И написал его отнюдь не косноязычно.

Любопытно, что в воспоминаниях Хокинса несколько глав принадлежат перу доктора Ливси, человека без сомнения образованного. Казалось бы, стиль этих глав должен разительно отличаться от писаний Хокинса. Но не отличается. Настолько не отличается, что Джим вынужден оговориться в начале каждой вставной главы: дорогие читатели, речь снова держу не я, а доктор...

Такое единство стиля заставляет предположить, что именно доктор Ливси был не только автором нескольких глав, но и по меньшей мере первым редактором всего остального текста. Именно он привел нескладный рассказ ученика трактирщика в соответствие с нормами литературного языка. И именно он зачеркнул две цифры в дате написания. Самому Хокинсу, если уж он имел основания скрывать дату написания мемуаров, проще всего было никак ее не упоминать.

Однако встает вопрос: почему сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены (неизвестные читателю) попросили именно Хокинса заняться сочинением мемуара? Коли уж имеется в наличии доктор Ливси, с событиями знакомый не хуже Джима и при этом способный изложить их в гораздо более читабельном виде?

Не исключено, что Хокинс тоже озадачился этим вопросом. Что задал его заказчикам рукописи. Они ответили, и обрадованный Джим торопится донести его до читателей своего

мемуара уже во второй фразе: «Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова».

Ответ странный, но странность его всплывает далеко не сразу, лишь по мере дальнейшего чтения. Дело в том, что Джим Хокинс НЕ СПОСОБЕН рассказать историю, не скрывая никаких подробностей. Он со всеми подробностями попросту не знаком...

Да, завязка истории происходит у него на глазах – от появления в трактире «Адмирал Бенбоу» старого пирата Билли Бонса до изучения сквайром и доктором пиратской карты.

Но затем Джим попадает под арест и на два месяца отрезан от какой-либо информации. Он в прямом смысле сидит под домашним арестом в усадьбе сквайра Трелони – ни разу не выходит, даже чтобы повидаться с матерью: «Я жил в усадьбе под присмотром старого егеря Редрута почти как пленник...»

Оговорка «почти», судя по всему, означает, что решеток на окнах всё же не было. Но свободы передвижения Хокинс лишен, равно как и контактов с внешним миром.

Только в самом конце заключения Хокинсу позволяют увидеться с матерью, но опять же под присмотром Редрута, причем под плотным присмотром – старый егерь не оставляет Джима ни на минуту, даже ночует с ним в «Адмирале Бенбоу».

Переводчик, надо отметить, весьма смягчил жесткую инструкцию сквайра, переводя: «Редрут может сопровождать его». В оригинале иначе: Redruth for a guard, – то есть сквайр распорядился отправить Джима на свидание с матерью не в сопровождении, а под стражей или под охраной Редрута.

За месяцы, что Хокинс провел в изоляции, без его участия и наблюдения произошла вся подготовка экспедиции и формирование экипажа «Испаньолы». Образно говоря, на доске были расставлены фигуры и пешки, расставлены в достаточно интересной позиции, но кто и зачем их так расставил, для Джима загадка. Вся информация – со слов сквайра Трелони, а этому человеку, как мы впоследствии увидим, безоговорочно доверять не следует.

Дальше – хуже. Многие события, разворачивающиеся во время путешествия и на острове, Хокинс не видит, а когда видит, то смысл их не понимает, – иногда в силу возраста, но порой старшие товарищи демонстративно держат юнга в неведении.

Пример: первый день на острове, положительные герои обживаются в блокгаузе. «Пожинав копченой свининой и выпив по стаканчику горячего грога, капитан, сквайр и доктор удалились в уголок на совещание». Джим Хокинс чести участвовать в совещании не удостоен, может лишь догадываться, о чем идет речь: «Но, по видимому, ничего хорошего не приходило им в голову».

День второй, картина та же: «После обеда сквайр и доктор уселись возле капитана и стали совещаться. <...> Мы с Греем сидели в дальнем углу сруба, чтобы не слышать, о чем говорят наши старшие».

То есть по уровню информированности Джим Хокинс не превосходит раскаявшегося мятежника Абрахама Грея. На самом же деле Грей знает и может поведать о происходившем на Острове Сокровищ гораздо больше – надо учесть милую манеру Джима время от времени сбегать и исчезать. Пока он, например, дремал в челноке Бена Ганна, носящемся по воле волн и ветра, Грей находился в эпицентре событий.

Вывод: из уцелевших искателей сокровищ Флинта именно Джим Хокинс наименее осведомлен о самых драматичных событиях и знает о них в основном с чужих слов. Даже смысл того, что он видел своими глазами, Джим не всегда понимает, – отчасти из-за своей неискушенности, отчасти потому, что отсутствует при ряде ключевых эпизодов.

Но именно ему остальные участники событий доверяют роль летописца. И получают после легкой редакторской правки письменное свидетельство, весьма искаженно и однобоко излагающее события, а уж трактующее их и вовсе превратно. Но Хокинс готов в любом суде поклясться на Библии: да, именно так все и происходило!

При чем здесь суд?

Может, и ни при чем, но зададимся на минутку вопросом: а зачем сквайр и доктор захотели получить развернутое письменное свидетельство Хокинса?

Решили разбогатеть на его издании? Ерунда, они и без того поделили колоссальное сокровище Флинта, а если полученного мало, то можно добавить второй транш – недолго снарядить новую экспедицию на остров и откопать оставшиеся там части клада: серебро и драгоценное оружие.

Можно полагать, что рукопись предназначалась не для публикации, а для личного употребления. И едва ли томимые старческим склерозом участники событий хотели всего лишь освежить их в памяти. Рукопись потребовалась им для чего-то другого...

А суд, между прочим, над положительными героями «Острова Сокровищ» вполне вероятен. За что же их судить? Ведь они действовали сугубо в рамках самообороны? Если кого-то и убивали, то исключительно защищаясь от взбунтовавшегося экипажа?

Судить есть за что. Даже если целиком и полностью принять на веру сочинение Джима Хокинса, отредактированное, скорее всего, доктором Ливси, – есть за что.

Это становится очевидным, стоит лишь разобраться с юридическим статусом сокровищ капитана Флинта.

* * *

Мы привыкли для простоты называть сокровища Флинта кладом, но на самом деле не всё так просто.

Английское законодательство в области кладов старинное, основанное еще на древнеримских юридических нормах (кодекс Юстиниана) и отчасти на имевших место прецедентах. И по этому законодательству отнюдь не любые золотые монеты, спрятанные в сундук или горшок и зарытые в землю, считаются кладом. Кладом откопанное золото становится в двух случаях: если законный владелец его неизвестен и установить его невозможно, или если со времени сокрытия клада прошло более трехсот лет.

Под второй признак сокровища Флинта никак не попадают, даже к нашему времени не прошло трех веков с тех пор, как пиратский капитан зарыл золото под большим деревом, смастерив указательную стрелку из человеческого скелета.

А можно ли было установить законных владельцев спрятанных Флинтом ценностей?

Очевидно, что для части ценностей поиск хозяев труда бы не составил. Например, описывая сокровище, Джим Хокинс упоминает, что значительную часть его составляли золотые слитки.

А слитки не столь безлики, как монеты, бродящие по рукам без учета и контроля. По надписям на слитках вполне можно понять, где и когда они отлиты, у кого и при каких обстоятельствах захвачены. Да и на монеты вполне могли отыскаться законные претенденты – хозяева тех судов и грузов, про которые было точно известно: захвачены капитаном Флинтом и его экипажем.

Еще меньше затруднений вызвала бы идентификация другой части клада, так и оставшейся на острове – драгоценного оружия. Но коли уж его так и не выкопали, оставим эту часть сокровища без рассмотрения.

Но в любом случае какая-то доля награбленных Флинтом богатств наверняка осталась бы неопознанной и попадала под определение клада.

Права на найденный клад согласно английскому законодательству тех времен делились пополам. Половина тому, кто клад отыскал (а это, кстати, отнюдь не сквайр Трелони, – откопал золото экс-пират Бен Ганн). Вторая половина – владельцу земли, где хранился клад, или владельцу здания, если клад был замурован в стене или укрыт схожим способом.

Но так делились лишь те клады, поиски которых велись с ведома и согласия собственника земли или здания. Если же разрешение не было получено, рекомый собственник получал права на клад целиком и полностью.

Кому же мог принадлежать остров в Атлантическом океане? Вариантов три: либо остров принадлежал британской короне, либо иному государству, либо был бесхозным, ничейным.

Какой из вариантов отражает истинное положение дел, долго раздумывать не приходится. Первый, разумеется. Иначе нет никакого смысла засекречивать координаты острова. Резон держать их в тайне есть лишь один – земля и сокрытый в ней клад принадлежали британской короне, королю Георгу. И сквайр Трелони, забрав золото без каких-либо согласований с властями, совершил хищение королевской собственности. Причем в особо крупных размерах.

Все основания для суда над компанией кладоискателей имелись. И для сурового приговора.

Интересно, кто были те «другие джентльмены», совместно с доктором Ливси и сквайром Трелони попросившие Джима Хокинса составить письменный отчет о событиях? Уж не коллегия ли присяжных?

Да нет, едва ли... Если бы дело дошло до судебных слушаний, историю приключений на острове записывал бы не Джим Хокинс, а писцы королевского суда. Скорее всего, свою рукопись Джим создавал как раз во избежание подобного варианта. Вдумайтесь только: туристические поездки по экзотическим странам в те годы не практиковались, однако богатый джентльмен снарядил за свой счет судно, отправился в южные моря, – история заурядная, многие почтенные люди подрабатывали приватирством, проще говоря узаконенным пиратством, и никто их не осуждал... Но Трелони-то получением приватирского патента не озаботился, при этом участники экспедиции возвратились в урезанном составе, но весьма разбогатевшие... Слухи наверняка поползли, и версия о пиратстве сквайра и его друзей (о незаконном пиратстве, под черным флагом) наверняка занимала среди тех слухов не последнее место. Ирония судьбы... И, во избежание оргвыводов со стороны власть предержащих, Хокинс получил заказ на свой мемуар.

Как бы то ни было, мутная история с координатами острова несколько прояснилась. Заодно появилась одна из возможных причин утаивания даты экспедиции за сокровищами. Почему бы не допустить, что остров был объявлен британским владением не в семнадцатом веке, и не в шестнадцатом, а незадолго до того, как у его берегов появилась «Испаньола»?

Тогда для сквайра и его сотоварищей очень даже имело смысл сдвинуть время событий на несколько лет назад. Королевская собственность, говорите? Ах, оставьте, сокровище мы откопали, когда остров никому не принадлежал, а законы обратной силы не имеют...

* * *

Но остальная часть сокровищ Флинта, не попадавшая под определение клада? Богатства, законных собственников которых можно было без труда отыскать?

На это золото прав у сквайра Трелони ничуть не больше. Даже на то, хозяева которого по ряду причин не могли предъявить свои претензии (например, собственники из стран, воюющих в то время с Англией).

В таком случае в действие вступал старый, но действующий Вестминстерский статут, принятый еще в четырнадцатом веке королем Эдуардом Первым: права на не востребовавшиеся грузы погибших кораблей принадлежат британской короне, причем неважно, где груз находится – на морском дне или на берегу.

Опять государственное преступление, хищение королевской собственности...

В общем, предприятие затеял сквайр Трелони не просто рискованное – противозаконное со всех точек зрения.

В связи с этим крайне любопытно звучат слова Хокинса о том, что сквайр собирался оделить каждого из матросов «Испаньолы» частью сокровищ, пусть и небольшой (собирался, разумеется, еще до того, как матросы обернулись пиратами и затеяли мятеж).

Ничем хорошим для сквайра такая затея не закончилась бы. Куда отправились бы морячки первым делом, получив по возвращении в Бристоль свою пригоршню золота сверх обещанного жалованья? В портовые кабаки, надо думать, обмывать неожиданное богатство... И через день каждая портовая собака знала бы о найденных сокровищах, а вскоре и до королевских чиновников доползли бы слухи...

А если бы сквайр не поделился с экипажем (по-прежнему допуская, что матросы все честные и законопослушные)? Тогда до королевских чиновников доползли бы не смутные слухи, а вполне конкретные доносы моряков, озлобленных жадностью сквайра.

Но, как мы знаем, ничего подобного не произошло. Экипаж и пассажиры «Испаньолы» занялись взаимным истреблением с таким успехом, что вернулись в Бристоль всего лишь пять человек плюс примкнувший островитянин Бен Ганн.

Этим болтать резона не было, все получили достаточно денег, чтобы хранить мертвое молчание. К тому же народ уцелел в основном малопьющий, или, по меньшей мере, к пьяной болтовне в кабаках не склонный. Единственное исключение – Бен Ганн, умудрившийся промотать тысячу гиней за неполные три недели. Но и он в своем загуле сумел удержать язык за зубами. Имел для того все основания – пиратское прошлое однозначно обеспечило бы Бену в случае болтливости короткий суд и длинную веревку...

* * *

Если вдуматься – до чего же удачно и вовремя произошел пиратский мятеж на «Испаньоле»! В противном случае перед сквайром Трелони встали бы очень большие проблемы... Поднять несколько тонн золота на борт невозможно так, чтобы экипаж ничего не заметил. И невозможно заставить два десятка человек промолчать об увиденном. А мятеж и последовавшее истребление мятежников весьма кстати избавили кладоискателей от всех нежелательных свидетелей.

А если бы мятеж не случился? Что тогда?

Если бы мятеж не случился, то его следовало бы придумать... Но об этом чуть позже.

Глава вторая. Двойная жизнь м-ра Хокинса-старшего

С местом и временем действия мы разобрались. Вернее, с причинами их замалчивания автором мемуара. Перейдем к персонажам. В первых главах рукописи Джима Хокинса их не так много: сам Джим, его родители, доктор Ливси и трое бывших пиратов – Билли Бонс, Черный Пес и слепой Пью.

О своем отце Хокинс пишет очень мало, мы узнаем лишь, что он владел трактиром «Адмирал Бенбоу», заболел и умер. Однако даже эта скудная информация вызывает множество вопросов.

Надо отметить, что бизнес старшего Хокинса особой выгоды не приносит. Он либо убыточен, либо едва позволяет сводить концы с концами. Билли Бонс, едва появившись в «Адмирале Бенбоу», первым делом интересуется у Хокинса-отца: много ли посетителей?

«Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного», – сообщает нам Хокинс-сын. Насчет «очень немного» отец не соврал, а вот его сожалениям по этому поводу позвольте не верить...

Билли Бонса такая ситуация с посетителями вполне устраивает по личным причинам, и он поселяется в «Адмирале». Но почему продолжает заниматься бесперспективным делом Хокинс-старший? Какой у него бизнес-план?

Трактир «Адмирал Бенбоу» стоит на морском берегу в гордом одиночестве, но неподалеку, не далее чем в полумиле, расположена небольшая деревушка. Казалось бы – вот они, потенциальные клиенты. Но там имеется аналогичное заведение, о чем Хокинс-младший упоминает. Есть ли смысл тащиться из деревни в «Бенбоу», а затем обратно, – и всё лишь для того, чтобы опрокинуть стаканчик горячительного? Если можно сделать то же самое без лишней ходьбы?

Смысла нет, и вскоре после 1736 года владелец «Адмирала Бенбоу» должен был разориться (в дальнейшем мы разберемся с точной датировкой событий и увидим, что происходили они в последовавшее за 1736 годом десятилетие). Именно в том году английский парламент принял знаменитый Джин-акт (Gin-Act), крайне чувствительно ударивший по карману продавцов спиртного. Налог с продаж в пересчете на галлон чистого спирта вырос с четырех пенсов до двадцати шиллингов – т. е. в шестьдесят раз! И значительно увеличилась стоимость лицензии на продажу спиртного. Хокинса-старшего с его вялотекущей коммерцией такие нововведения должны были пустить ко дну. Но он каким-то загадочным образом остался на плаву...

Однако «Адмирал Бенбоу» – это не только распивочная. Это еще и гостиничный бизнес. В трактире имеются комнаты для приезжих, приносящие, по идее, какой-то дополнительный доход. Но доход они не приносят – жилец упомянут лишь один, Билли Бонс. А старый пират платить за проживание категорически не настроен.

В таком случае комнаты приносят прямой убыток, причем не только в виде недополученной выгоды. Проблема опять состоит в особенностях английского налогового законодательства тех лет – в 1699 году был принят закон, облагавший недвижимость налогом в зависимости от количества окон. В каждой гостевой комнате, надо полагать, хотя бы одно окно имелось – какой же приезжий согласится жить в темной конуре? И Хокинс-старший за эти окна регулярно платил, ничего не получая взамен. Станный бизнес...

Поставим вопрос шире: а для кого вообще были предназначены эти комнаты? На первый взгляд ответ очевиден: рядом с «Бенбоу» проходит дорога, проезжающие по ней люди, застигнутые в пути ночью или непогодой, и есть потенциальная клиентура...

Но всё не так просто. Во-первых, упомянутая дорога отнюдь не центральный тракт и явно имеет лишь местное значение – ни разу юный Хокинс не упоминает о проезжавших по

ней путешественниках. Во-вторых, путешественникам – странствуют ли они верхом или же в карете – останавливаться в «Адмирале Бенбоу» крайне неудобно.

«Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни», – сообщает нам Хокинс-младший. Если проезжающие вынуждены держать лошадей в деревне, то и самим им логичнее всего остановиться там же, в упомянутой в тексте «Гостинице короля Георга».

Получается, что комнаты для приезжих «Адмирала Бенбоу» рассчитаны на пешеходов, лошадьми не обремененных? Получается именно так. Пешеходов Хокинс-младший упоминает – матросов, изредка шагавших по дороге в Бристольский порт. И о том, что они заглядывали в «Бенбоу», упоминает. Но пешеходы – клиентура с весьма сомнительной платежеспособностью, им бы на стаканчик дешевой выпивки наскрести да подремать затем в общем зале на дармовщинку...

И тут судьба посылает Хокинсу-отцу неожиданное ноу-хау, неожиданный козырь в конкурентной борьбе. Козырь выглядит необычно – как старый пират, каждый вечер напивающийся рому и травящий морские байки. Однако действует очень эффективно, посетители идут и идут в «Бенбоу», чтобы послушать захватывающие рассказы.

Но старший Хокинс отчего-то недоволен наплывом посетителей... После вселения Билли Бонса «отец постоянно твердил, что нам придется закрыть наш трактир», – пишет в своей рукописи Джим.

Любопытно, правда? Нет посетителей – хозяин упорно продолжает свой убыточный бизнес, а едва наметился наплыв клиентуры – собирается прикрывать дело. Причем под надуманным предлогом: Бонс, дескать, отведит всех посетителей. В то время как мы видим совершенно обратную картину: присутствие старого пирата лишь привлекает клиентов в «Бенбоу».

Объяснить странное поведение хозяина можно лишь одним: продажа выпивки и сдача комнат отнюдь не главный источник доходов Хокинса-старшего, они лишь ширма, прикрывающая главное дело его жизни. Причем лишние посетители этому делу помеха, из чего следует, что настоящий бизнес носит не совсем законный характер. А то и совсем незаконный.

Чем же именно занимался Хокинс-старший? Скупал добычу у романтиков большой дороги? Содержал подпольный винокуренный заводик? Чеканил в подвале фальшивые шиллинги?

Вариантов много, но наиболее логичный из них – контрабанда. Все минусы «Адмирала Бенбоу», проистекающие из его неудобного расположения, вредят заведению лишь в его ипостаси распивочной и гостиницы. Стоит предположить, что трактир заодно является тайной перевалочной базой контрабандистов – и все минусы мгновенно оборачиваются плюсами.

Отдельного описания местоположения «Адмирала Бенбоу» юный Хокинс не дает, но если свести воедино обрывочные упоминания, там и тут разбросанные по тексту, общую картину представить можно.

Итак, трактир расположен на мысе – не на самой его оконечности, а на той части, что примыкает к берегу. Место возвышенное, судя по всему, раз уж называется у местных жителей Черным холмом. Мимо проходит дорога, достаточно безлюдная, как мы помним. По обеим сторонам от мыса – две бухты. Одна из них называется бухтой Черного холма, или попросту Черной бухтой, и на ее другой стороне расположена та самая деревушка. Другая именуется Киттовой Дырой. Причем если Черная бухта отлично просматривается из деревушки, то Киттова Дыра оттуда не видна, холм закрывает обзор. Что происходит в водах Киттовой Дыры, видно лишь из окон «Адмирала Бенбоу». Есть у Киттовой Дыры еще одна интересная особенность – судно с небольшой осадкой может там подойти практически вплотную к берегу. Эта особенность хорошо проявляется, когда остатки шайки слепого Пью спасаются бегством на люггере от преследования таможенников (а люггер, между прочим, излюбленный тип судов контрабандистов того времени), – никаких указаний на то, что бандиты воспользовались шлюпкой, нет,

и можно предположить, что они попросту поднялись на борт по сходням, опущенным на береговые скалы.

Короче говоря, Киттова Дыра – идеальное место для выгрузки контрабандных грузов: уединенное место с удобным причалом, рядом дорога... Но все преимущества можно реализовать только в том случае, если в «Адмирале Бенбоу» у контрабандистов есть свой человек. Который, например, может предупредить о засаде или об иной опасности, – самым простым способом, просигналив фонарем из окна. В противном случае трактир превращается для контрабандистов в угрозу: оттуда очень удобно наблюдать за всем происходящим в бухте, да и таможенники могут разместиться там в засаде со всеми удобствами, а не мерзнуть на берегу.

И кто же из постоянных жильцов «Адмирала Бенбоу» более всего подходит на роль пособника контрабандистов? Мистер Хокинс-старший, сомнений нет. Выбор не особенно велик – бизнес семейный, посторонние в нем не задействованы, и предполагать, что такими делами занималась в одиночку миссис Хокинс, а ее муж оставался в блаженном неведении, достаточно нелепо.

Стоит предположить, что Хокинс-отец активно участвовал в делишках контрабандистов – и все странности, происходящие в «Адмирале Бенбоу», получают вполне разумное объяснение. Комнаты для приезжих отнюдь не всегда пустовали, но их жильцы, достаточно платежеспособные, пользовались водным транспортом и конюшня им не требовалась. Опасения хозяйина, что Бонс «отвадит всех посетителей», приобретают совсем иной смысл – речь идет не о деревенских пьянчугах, которых рассказы старого пирата лишь привлекают в трактир. Речь о посетителях *особых*, приносящих главный доход заведению и не нуждающихся в лишних свидетелях.

Знал ли юный Хокинс о противозаконных занятиях своего отца? Вполне вероятно. Юноша он был не глухой, не слепой, не слабоумный, к тому же весьма любопытный... Но в рукописи, сочиненной Джимом, это знание никак не отразилось. Не враг же он себе, в самом деле... Едва ли побережье изобиловало такими удобными для контрабандистов местами, как Киттова Дыра. И прекращать весьма успешную и доходную деятельность только лишь из-за смерти хозяина трактира им резона не было. Гораздо более разумным представляется другой вариант – увлечь на ту же стезю наследников усопшего.

А кто у нас наследники? Джим Хокинс и его мать. Могли женщина и юноша-подросток стать пособниками контрабандистов? Могли. Таскать тяжелые тюки с товаром им не надо – дать приют людям и предоставить место для хранения груза, просигнализировать об опасности, не задавать лишних вопросов и держать язык за зубами, – всё вполне по силам и женщине, и подростку.

К теме контрабандистов Киттовой Дыры мы еще вернемся, а сейчас познакомимся поближе с мистером Билли Бонсом, бывшим пиратским штурманом.

* * *

С Билли Бонсом та же история, что и с Хокинсом-старшим, – на первый взгляд старый пират прям, как перпендикуляр, и никаких двойных толкований этого образа нет и быть не может.

Но при внимательном чтении возникает множество вопросов...

Первый из них такой: а Билли Бонс и в самом деле был штурманом на корабле Флинта?

Казалось бы, никаких оснований сомневаться в том нет. Билли не сам себе присваивает должность штурмана (ему-то соврать, что рому выпить) – об этом не раз упоминают другие уцелевшие члены команды, и им нет никакого смысла лгать.

Но штурман – по определению человек, имеющий познания в самых разных науках. В астрономии, в геометрии, в картографии... А знакомство с этими науками предполагает некое

базисное образование. Неграмотному матросу книга по навигации освоить штурманскую науку не поможет. Матросик эту книгу сможет употребить лишь для раскуривания трубки. Или для похода в корабельный галюн, да и то если бумага не слишком жесткая.

Есть ли хоть что-то в речи и манерах Билли Бонса, что позволяет заподозрить в нем образованного человека?

Ничего. Грубая речь моряка и манеры соответствующие.

Штурман – не просто самый образованный человек на пиратском корабле. Он еще и самый ценный. Если погибнет даже сам капитан, нового выбрать недолго. А вот штурманские познания в результате свободного волеизъявления экипажа едва ли у кого-то появятся. Демократия, конечно, на всякие чудеса способна, – но умения управлять что кораблем, что государством она никому не дает.

Вывод прост: штурмана надо беречь, особенно в бою. Никакого участия в abordажках, никаких прогулок под обстрелом по палубе или шканцам... Откуда в таком случае у Билли Бонса сабельный шрам во всю щеку?! Брился боевым клинком, и рука дрогнула?!

Хорошо, допустим, что Джим Хокинс ничего не понимал в шрамах, – и на щеке Бонса оставила свой след не сабля. Допустим, старый пират носил метку от ножа, полученную в кабацкой драке.

Но вот как описывает Джим другую деталь внешности постояльца трактира: «Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные...» В оригинале сказано еще сильнее: *with black, broken nails*, – ногти не просто черные, но еще и обломанные.

Это, пардон, чьи руки? Человека, работающего циркулем, секстантом и хронометром? Или землекопа, позабывшего дома лопату и вынужденного копать ладонями?

И у внимательного читателя поневоле возникает вопрос к переводчику: какое слово использовано в исходном тексте для обозначения морской специальности Билли Бонса?

Дело в том, что термин «штурман» – не английский, голландский, завезен к нам Петром Первым (поначалу произносился и писался русскими как «штюрман»). Англичане таким словом не пользовались. У них в королевском военном флоте штурмана принято называть навигатором или офицером-навигатором. А в английском торговом флоте этой должности и термина для ее обозначения не было. Навыками навигации и прокладывания курса владел или сам шкипер, или его помощник, или оба вместе.

Открываем оригинал и видим: должность Билли Бонса именуется там *mate*, иногда *first mate*. Помощник капитана, говоря по-русски, либо первый помощник. Причем *mate* на пиратском корабле мог владеть навыками навигации, а мог и не владеть, – например, прокладывать курс мог сам Флинт, а Бонс при нужде замещал его в деле командования матросами.

Но все-таки Билли Бонс со штурманским делом знаком. Во-первых, если он всего лишь помощник, замещающий в определенных случаях капитана, то чем тогда занимался на судне Флинта кватермастер Джон Сильвер? На коммерческих судах должность кватермастера означает совсем другое, там он старшина команды рулевых, а у пиратов именно кватермастер – и заместитель капитана по abordажной части, и его помощник в делах хозяйственных.

Заметим на полях, что термин «квартирмейстер», употребляемый в отношении Сильвера, остается на совести переводчика, должность это сухопутная и тыловая. Хотя и «кватермастер», надо заметить, не самая точная транскрипция термина – правильнее всего говорить «кватердекмастер», или «квартирдекмастер», или «хозяин шканцев». Но остановимся на более коротком слове, памятуя о родственных связях краткости...

Второй намек на то, что Билли Бонс был настоящим штурманом – квадрант, (предшественник секстанта, или *секстана*, как называют его моряки), хранящийся в его сундуке совместно с часами (надо полагать, выполнявшими роль штурманского хронометра) и двумя компасами.

Но умел ли пользоваться квадрантом владелец? Не прихватил ли на память об умершем Флинте? Едва ли... Он на память забрал нечто куда более ценное – карту, и абсолютно незачем таскать с собой прибор, которым не умеешь пользоваться.

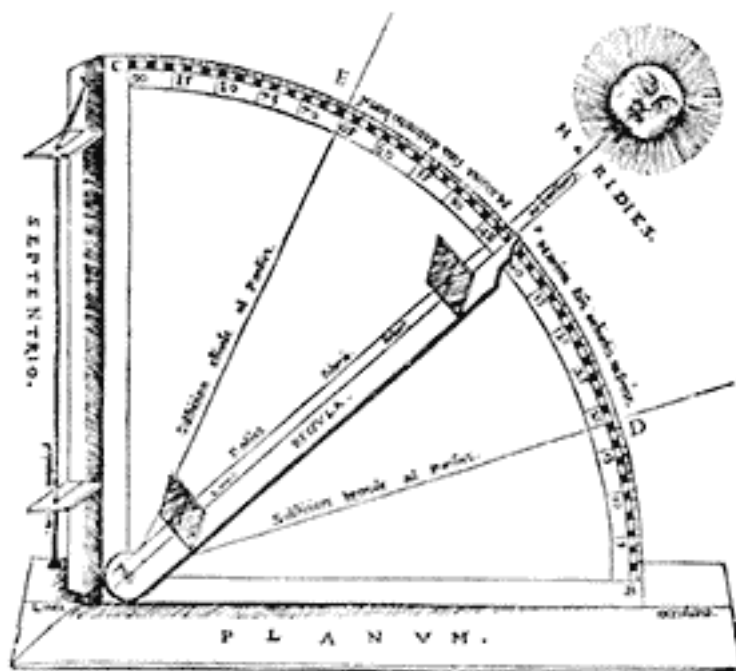

Рис. 1. Квадрант, потомок астрлябии и предшественник секстанта. Зачем Билли Бонс таскал с собой этот прибор, если не умел пользоваться?

Ладно. Сделаем еще пару допущений, хотя их количество начинает зашкаливать. Допустим, Билли Бонс талантливый самородок. В навигаторской школе не обучался, начал карьеру простым матросом, а затем сумел перенять чисто прикладные навыки у какого-то образованного штурмана (у Флинта? у плененного пиратами офицера-навигатора?), не забывая голову науками. Выучил лишь пару формул, позволяющих вычислить координаты, исходя из показаний квадранта. Версия довольно натянутая, но странности Билли Бонса с грехом пополам объясняет.

Беда в том, что Бонс не единственный штурман-mate на страницах «Острова Сокровищ». На «Испаньоле» роль mate исполняет некий мистер Эрроу. «На борту нас приветствовал штурман мистер Эрроу, старый моряк, косой и загорелый, с серьгами в ушах», – пишет Хокинс. Вновь внешность более подходит для необразованного матроса, а не для человека, знакомого с астрономией и геометрией... Мanners под стать внешности – Эрроу пьет без просыпа и панибратствует с матросами. Однако после знакомства с Билли Бонсом это нас не удивляет.

Но самое необъяснимое случается позже. Эрроу допился до того, что свалился за борт – не то сам, не то с чьей-то помощью. Но его место в штатном расписании «Испаньолы» недолго оставалось вакантным.

«Таким образом, мы остались без штурмана. Нужно было выдвинуть на эту должность кого-нибудь из команды. Выбор пал на боцмана Джоба Эндерсона. Его по-прежнему называли боцманом, но исполнял он обязанности штурмана».

Сильное кадровое решение, что ни говори... «Кого-нибудь из команды...», «Выбор пал...». Надо понимать, что пал бы выбор на другого – и он начал бы прокладывать курс с тем же успехом, что и Джоб Эндерсон. Прямоком к Острову Сокровищ.

Если mate в тексте – просто помощник капитана, без штурманских навыков, не ясен образ Билли Бонса. Если mate должен уметь прокладывать курс – назначение на эту должность Джоба Эндерсона выглядит абсурдом.

Что Эндерсон в навигации полный ноль, нам подтверждает сам Сильвер, когда говорит, что в шайке нет никого, способного проложить курс. И пиратский главарь опасается заблудиться в океане: «Мы умеем ворочать рулем. Но кто вычислит курс? На это никто из вас не способен, джентльмены. Была бы моя воля, я позволил бы капитану Смоллетту довести нас на обратном пути хотя бы до пассата. Тогда знал бы по крайней мере, что идешь правильно и что не придется выдавать пресную воду по ложечке в день. Но я знаю, что вы за народ. Придется расправиться с ними на острове, чуть только они перетащат сокровище сюда, на корабль. А очень жаль!»

Вопрос о штурманских навыках Эндерсона снят. Но возникает другой вопрос: а чем думал Сильвер на берегу, в своей таверне «Подзорная Труба», когда планировал операцию? У него ведь нога ампутирована, а не головной мозг.

Сильвер далеко не дурак, что единодушно признают и его сообщники, и недруги. Значит, на что-то надеялся. Вернее, на кого-то. На мистера Эрроу, надо полагать. Иных кандидатов на роль судоводителя в шайке нет, а то, что штурман к ней принадлежит, несомненно – именно Сильвер привел его к сквайру Трелони.

Но Эрроу переборщил со спиртным и отправился за борт, нарушив планы Сильвера.

Круг замкнулся. Мы вновь пришли к тому, с чего начали: на «Испаньоле» должность mate все-таки означает помощника-навигатора, сиречь штурмана. А в центре круга – ни с чем не сообразный пассаж Хокинса о назначении штурманом Джоба Эндерсона.

Юнга Хокинс в море недавно, и девичья его специальность – ученик трактирщика. Джим может и не знать, чем занимается mate и что должен уметь (хотя в таком случае не совсем понятно, отчего сухопутный «ботаник» столь лихо оперирует морскими терминами).

Но представлял ли доктор Ливси хотя бы приблизительно круг обязанностей штурмана, навигатора, mate? А сквайр Трелони? Капитан Смоллетт, наконец?

Даже если вышеупомянутые джентльмены значения слова «штурман» не знали, могли бы заглянуть в словарь или энциклопедию и пополнить эрудицию. Но представляется, что они в том не нуждались и прекрасно всё понимали. Вся несуразная история с Эндерсоном-штурманом служит лишь одной цели – дать понять читателям: Хокинсу, что бы он нам ни сообщал, нельзя верить без критического анализа. Толстый-толстый намек для самых недогадливых и невнимательных читателей, кто до сих пор не обратил внимание на множество мелких нестыковок и несуразностей, бойко излагаемых Джимом.

Почему столь очевидный намек дан именно здесь, не раньше и не позже?

Потому, что уже буквально на следующих страницах Хокинсу предстоит вбросить неимоверно важную информацию – вбросить и сквайру с капитаном и доктором, и нам, читателям. Информацию о готовящемся мятеже. И неплохо бы понять, насколько юный Хокинс заслуживает доверия...

Сквайр, доктор и капитан поверили ему безоговорочно (о чем мы знаем опять-таки со слов Хокинса). Поверили и *первыми* начали стрелять в экипаж «Испаньолы».

А мы, читатели... А мы не будем забегать вперед. И вернемся к Билли Бонсу, обосновавшемуся в трактире «Адмирал Бенбоу».

* * *

Логику поведения Билли Бонса понять очень трудно. Вернее, в мелочах он поступает вполне здраво, но окончательная цель его действий в густом-густом тумане.

Краткая предыстория пиратского штурмана такова: он плавал в экипаже Флинта, был там не на последних ролях, затем стал владельцем карты с указанием места, где Флинт спрятал свои несметные сокровища.

Как именно Бонс завладел картой, не ясно. Получил ее от умирающего капитана, как сам утверждал? Или похитил? Или занялся мародерством, забрав документ у мертвого Флинта?

Не понятно, да и не столь важно. Главное, что остальные члены шайки таким раскладом недовольны и считают, что сокровища должны быть найдены и поделены поровну. И пытаются экспроприировать карту у экс-штурмана, чему он сопротивляется пассивным способом: убегает и прячется.

В разгар этой увлекательной игры в догонялки-прятки Билли Бонс появляется в «Адмирале Бенбоу». Преследователи сбились со следа, Бонс получает несколько месяцев передышки. Как же он их использует? Весьма своеобразно. Пьет ром, дебоширит, поет пиратские песни, рассказывает деревенщине морские байки... Немало времени тратит на одинокие пешие прогулки по морскому берегу.

И всё. Никаких попыток монетизировать факт обладания картой. Как собака на сене – и сам не пользуется, и другим не дает.

Можно предположить, что Билли Бонс решил плюнуть на зарытые в другом полушарии богатства. Фантазия у бывшего пирата небогатая, запросы невелики. Он того и не скрывает: «Я человек простой. Ром, свиная грудинка, яичница, – вот и все, что мне нужно».

Кое-какие накопления есть – весьма увесистый мешок с золотом – на грудинку и яичницу, пожалуй, до конца жизни хватит.

Не совсем понятно, зачем тогда Бонс зажал карту, но подходящее объяснение придумать не сложно. Например, такое: Билли Бонс – человек честный и порядочный (на свой пиратский манер, разумеется). Он что-то пообещал умирающему Флинту и держит обещание. Допустим, выступает хранителем сокровища. Мы ничего не знаем о семейном положении Флинта и не можем с порога отвергнуть предположение, что после него могли остаться малолетние дети. Предположим, Бонс связан клятвой вручить карту сыну капитана в день его совершеннолетия... В противном случае, если он просто хотел закончить дни в покое, не связываясь с рискованным поиском сокровищ, – отдал бы карту Черному Псу и Пью по первому требованию, да и дело с концом. Пусть, дескать, другие ломают шею в погоне за богатством.

Но Билли Бонс карту отдать не желает. Он готов вновь пуститься в бега, но сохранить ее для себя или кого-то иного.

Однако если Бонс лишь хранитель, какого черта он торчит на морском берегу? И не просто на берегу, а неподалеку от Бристоля? Ведь Бристоль – морские ворота Англии в Новый Свет, и светиться здесь рискованно, недолго встретить какого-либо знакомого из прежней жизни... Не обязательно даже бывшего коллегу по экипажу Флинта, – власти, получив от любого моряка донос на окопавшегося в «Адмирале Бенбоу» пирата, не стали бы церемониться, уговаривать и присылать черные метки... Вздернули бы, и конец истории.

Если Билли Бонс хранил карту для кого-то или собирался прятаться до конца жизни, плюнув на сокровища, место для жительства он выбрал самое неудачное из всех возможных. Нет чтобы переехать в одно из внутренних графств Англии, где моряки редкие гости, – не переехал, сидит у самой дороги, ведущей к порту, и прячется от проходящих по ней моряков. Не может жить без вида моря за окном и прогулок по морскому берегу? Так долго ли перебраться на другой конец страны, на побережье Ла-Манша или Северного моря, поселиться невдалеке от порта, специализирующегося на торговле с Европой? Там другой контингент матросов, и опасаться неприятных встреч гораздо меньше оснований.

Пожалуй, то, что Билли Бонс упорно околачивался именно неподалеку от Бристоля, свидетельствует об одном: с надеждой самому воспользоваться картой экс-штурман не распро-

стился. Что-то он здесь выжидал... Возможно даже попытался предпринять что-то в этом направлении, а юный Хокинс попыток не заметил или не понял...

А может быть, и заметил, и понял, но не пожелал поведать читателям своего мемуара. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока займемся третьим весьма значимым персонажем, впервые появляющимся именно в стенах «Адмирала Бенбоу», – доктором Ливси.

Многозначительных умолчаний при описании этого персонажа столько, что придется посвятить доктору целую главу.

Глава третья. Многоликий доктор Ливси

О докторе нам известно и очень много, и очень мало.

С одной стороны, он по многим признакам принадлежит к сословию «джентри» – то есть нетитулованного мелкопоместного дворянства: имеет аристократичные манеры, занимает должность судьи, на короткой ноге с богатым землевладельцем Трелони... Наконец, своих больных доктор объезжает верхом – простолюдинам такое не полагалось по статусу, врач-плебей в лучшем случае разъезжал бы на двуколке.

Но Ливси работает врачом, причем лечит за деньги. Для джентри это неприемлемо. Английские дворяне восемнадцатого века выбирали военную стезю, судебскую, духовную... А профессия медика у них уважением не пользовалась. Как хобби, как увлечение – почему бы и нет, но сельский дворянин-лекарь выпадает из реалий эпохи.

Позже, в викторианские времена, ситуация изменится: профессия врача начнет пользоваться почетом и уважением, да и вообще людей с ученой степенью начнут причислять к сословию джентри; персонаж другого произведения Стивенсона – доктор Джекил – обладает высоким социальным статусом; но при правлении первых трех Георгов врач это «клистирная трубка», нечто среднее между цирюльником и коновалом.

Так дворянин ли доктор Ливси? Однозначного ответа нет. В любых правилах случаются исключения, доктор, например, мог получить дворянство за какие-то личные заслуги на континенте (именно там, не в Англии, иначе именовался бы «сэр»). Но пока что отметим лишь не совсем ясный социальный статус доктора.

Аристократичные же манеры доктора Ливси ни о чем нам не говорят. Например, жил в Англии чуть позже описанного времени врач по фамилии Полидори, знаменитый главным образом знакомством с лордом Байроном. Тоже отличался вполне аристократичными замашками, но происхождение имел отнюдь не дворянское: отец – эмигрант-итальянец, мать – английская гувернантка.

Но Ливси не только врач, он еще и судья. Он сам говорит о том Билли Бонсу – причем при свидетелях, что практически исключает возможность лжи в целях запугивания. К тому же впоследствии мистер Данс, королевский таможенник, подтверждает наличие у доктора статуса судьи.

Судьи в Англии восемнадцатого века встречались разные, и Хокинс не конкретизирует, как в точности именовалась судебская должность доктора и каков был круг его полномочий. Но в этом случае (только лишь в этом) умалчивание не несет какого-то тайного смысла, соотечественникам и современникам Джима без всяких пояснений было понятно, что Ливси мог быть судьей мировым и никаким иным.

Королевские судьи и члены магистратского суда – по определению профессиональные юристы и никоим образом не могли совмещать служение Фемиде с врачебной практикой. А мировые судьи могли и не иметь диплом юриста и трудились на общественных началах, без жалованья (причем эта стезя для английского джентри гораздо более естественна, чем медицинская карьера).

У мирового судьи хватало власти, чтобы основательно испортить жизнь отставному пирату. Мировые судьи не просто занимались разбором дел в судах. Они выполняли функции дознания, и руководили полицией, и имели еще достаточно административных полномочий, с судопроизводством не связанных. Ливси мог, например, запросто выслать Билли Бонса за пределы графства. Мог запрятать его в кутузку на срок до трех месяцев. Просто так, для профилактики, – без судебного слушания, без предъявления формального обвинения, единоличным решением.

Неудивительно, что Билли Бонс притих после стычки с доктором...

* * *

Доктор Ливси многогранная личность. Он не только врач и судья – он еще и военный!

«Не впервые я сталкивался с насильственной смертью – я служил в войсках герцога Кемберлендского и сам получил рану под Фонтенуа».

Может быть, доктор Ливси побывал на войне в должности полкового врача, например? Едва ли... Ключевые слова здесь «служил в войсках» – врачи испокон веку считались некомбатантами, и в конце концов их статус не воюющей и нейтральной стороны был закреплён в девятнадцатом веке Женевской конвенцией.

Отметим, что доктор на войне был ранен, а врачи тех времен гораздо чаще лечили раны, чем получали их сами. До появления понятия «тотальной войны» еще предстоит пройти пару веков, воевали европейцы по-джентльменски (между собой, войны с туземцами в колониях и подавление мятежей не в счет) и обращать оружие против раненых противников и тех, кто их лечит, считали совершенно недопустимым. К тому же в восемнадцатом веке артиллерия была сравнительно недалёкобойная, вела огонь прямой наводкой по боевым порядкам врага, и случайно обстрелять находящийся даже в ближайшем тылу госпиталь не могла, ядра попросту туда не долетали.

Наконец, капитан Смоллетт говорит открытым текстом: «Доктор, ведь вы носили военный мундир!» – а институт военврачей к тем временам еще не сложился, и носить, к примеру, мундир с эполетами лейтенанта военно-медицинской службы доктор Ливси никак не мог. Не было таких чинов и званий в то время.

Очевидно, доктор принимал участие в битве в качестве комбатанта и воинские навыки имеет очень даже неплохие. Это сполна проявляется на острове, в бою за блокауз, – доктору доверяют самый опасный пост, у двери, где вполне вероятно участие не только в перестрелке, но и в рукопашной схватке. Такая схватка и в самом деле состоялась, доктор в ней блестяще доказал свое умение владеть холодным оружием – одолел противника, не получив ни царапины.

В том, что доктор Ливси был военным, причем скорее всего офицером, сомнений не возникает.

Сомнения вызывает другой факт его биографии...

Попробуем ответить на крамольный вопрос: а Ливси действительно был врачом?

* * *

Казалось бы, вопрос глупый. Не только Хокинс постоянно твердит нам в своей рукописи: доктор, доктор, доктор, но и сам Ливси при любом удобном случае подтверждает врачебный статус.

Любопытный штрих имеется в описании первого знакомства с картой Флинта: доктор в гостях в усадьбе сквайра, Хокинс и таможенник приносят пакет с документами. Вскрывает пакет доктор Ливси: «Пакет был крепко зашит нитками. Доктор достал свой чемоданчик с инструментами и разрезал нитки хирургическими ножницами».

На первый взгляд всё правильно: врач использовал привычный ему медицинский инструмент, оказавшийся под рукой. Вскрывал бы пакет цирюльник, сделал бы это бритвой. Всё так.

Но почему у Ливси под рукой хирургические ножницы? Он ведь пришел к сквайру в гости, а не прооперировать хозяина. И лечения терапевтическими методами визит тоже не предусматривал. Заявился к Трелони доктор не после обхода больных, а из своего дома, причем пошел не лечить. «Ушел в усадьбу пообедать и провести вечер со сквайром», – говорит Хокинсу и таможеннику служанка Ливси.

Зачем доктор взял с собой медицинский инструментарий, понять можно – чтобы не делать крюк, не заезжать домой в случае неожиданного и срочного вызова. Но почему он ни на миг не расстается с любимыми инструментами? Даже когда сидит в гостинной у камина и курит трубку, расслабляясь на пару со сквайром после обеда? Почему не отдал, едва войдя, чемоданчик с инструментами прислуге вместе с верхней одеждой, шляпой и тростью?

Создается впечатление, что доктор Ливси вообще не расставался с предметом, символизирующим его принадлежность к врачебной профессии. Словно бы навязчиво демонстрировал всем окружающим: да врач я, настоящий врач, не сомневайтесь, вот и чемоданчик с инструментарием всегда при себе...

Момент любопытный, но делать на его основании какие-либо выводы преждевременно. В конце концов врач не тот, кто ходит в белом халате и с полным чемоданом скальпелей, пинцетов и шприцев.

Врач – тот, кто лечит больных. И при этом иногда вылечивает...

Лечил больных и доктор Ливси. Да только вылечить у него отчего-то не получалось.

Судите сами: на суше, до отплытия «Испаньолы», доктор Ливси лечит двух пациентов (Хокинс вскользь поминает и третьего, но чем закончилось то лечение, нам неизвестно).

Итак, больной номер один – мистер Хокинс-старший. Лечащий врач – доктор Ливси. Итог его стараний – смерть пациента.

Больной номер два – Билли Бонс. Лечащий врач тот же, и результат его трудов опять плачевен...

Если в первом случае процесс лечения юный Хокинс не описывает, то о том, как доктор лечил старого пирата, мы узнаем достаточно подробно. Для начала Ливси ставит диагноз: удар. Ставит с лету, не осмотрев больного, даже пульс не пощупав. Затем устраивает Билли Бонсу кровопускание, весьма обильное. Процедура варварская, но у врачей тех лет весьма популярная. Причем не только у медиков с дипломом – беднякам, не имевшим денег на услуги врача, за скромную сумму мог «отворить кровь» и коновал, и цирюльник. И факт наличия у доктора Ливси медицинского диплома кровопускание никак не подтверждает.

Дальше еще интереснее. Процесс лечения описан подробно, но состоит он лишь в том, что доктор осчастливил больного советом: бросай пить, не то скоро загнешься. Любопытно, что Ливси всячески подчеркивает свой статус врача, повсюду таская с собой чемоданчик с инструментами, а пустить пыль в глаза, употребив пару-тройку витиеватых медицинских терминов, даже не пытается. И диагноз, и совет сформулированы так, как их произнес бы любой обыватель, нет даже намека на медицинское образование. Между прочим, врачи и юристы тех времен (и не только тех) по поводу и без повода вставляли в речь латынь, подчеркивая свою образованность. Ливси ни разу – ни на суше, ни на море – ни единого латинского словечка не употребляет. Да знает ли он латынь вообще?

Хуже того – он даже не пытается выписать больному какой-либо рецепт! Однако вскоре, на следующий день, Джим, по его словам, «вошел к капитану с прохладительным питьем и лекарством» (мы помним, что Билли Бонс велел именовать себя «капитаном», что наводит на определенные мысли о комплексах старого пирата).

Откуда взялось лекарство? Ливси ничего не прописывал, никакого рецепта не оставлял! Миссис Хокинс начала лечить пирата на свой страх и риск, из доброты душевной? Но зачем? Бонс надоед хозяевам «Адмирала Бенбоу» хуже горькой редьки, от него не знают, как избавиться... А сейчас он лежит тихий и смирный, не дебоширит, песни пьяные не горланит. Ну и пусть себе лежит.

Если отбросить мысль о самодеятельности Хокинсов, то остается один вариант появления загадочного лекарства – доктор позже занес или прислал рецепт в «Адмирал Бенбоу». Пришел домой и переписал из медицинской книжки. Книжки по медицине у Ливси имелись, он даже захватил их на борт «Испаньолы» – Джим упоминает одну из них, употребленную пира-

тами для раскуривания трубок. Книги есть, а вот умение самостоятельно, без книг, выписать рецепт на латыни... Похоже, такого умения нет. Станный, очень странный доктор.

Лекарство Билли Бонс пьет исправно, Хокинс отмечает это особо. Но лекарство не помогает:

«...Он не только не поправлялся, но как будто становился всё слабее. Через силу всходил он на лестницу; шатаясь, ковылял из зала к нашей стойке».

Слабел, слабел и умер...

Итак, статистика до начала путешествия удручает: два больных – два покойника, результат стопроцентно отрицательный. Может быть, Ливси не имеет опыта в лечении болезней, так сказать, мирного времени? Может, он военный хирург, и в лечении раненых его умения проявляются совсем по-иному?

Давайте посмотрим, кого и как лечил доктор Ливси в боевой обстановке. Повреждения, полученные на Острове Сокровищ Греем и Джимом Хокинсом, ранами считать нельзя – у первого была порезана щека, у второго пальцы, и никакого лечения, по сути, не требовалось. Но какие получались результаты, когда доктору Ливси приходилось заниматься серьезными ранами? Вот список его пациентов на острове:

Том Редрут, егерь. Диагноз: огнестрельное ранение. Результат лечения: смерть пациента.

Джойс, слуга сквайра. Диагноз: огнестрельное ранение. Результат лечения: не проводилось, смерть пациента.

Хантер, слуга сквайра. Диагноз: перелом ребер, травма черепа. Результат лечения: смерть пациента.

Пират, имя не известно. Диагноз: огнестрельное ранение. Результат лечения: смерть пациента во время операции.

Пират, имя не известно. Диагноз: ранение в голову. Результат лечения: не завершено, пациент застрелен доктором (хотя возможно, что Беном Ганном или Греем).

Джордж Мерри, пират. Диагноз: не ясен, доктор лишь предполагает малярию. Результат лечения: не завершено, пациент застрелен Сильвером.

Смоллетт, капитан. Диагноз: два огнестрельных ранения. Результат лечения: пациент выжил и пошел на поправку.

Ура! Наконец-то хоть один из пациентов доктора остался в живых!

Вопрос лишь в том, благодаря лечению доктора Ливси поправился капитан или вопреки ему? Есть кое-какие основания считать, что именно второй вариант соответствует истине.

Судите сами: третий день высадки на остров (Хокинс называет его вторым, но позже мы выясним, что это не так), накануне отбита атака пиратов на блокгауз. Доктор Ливси перелезает через частокол и уходит; как предполагает Джим Хокинс, на встречу с Беном Ганном. А вскоре и сам Джим, никого не предупредив, покидает укрепление, воспользовавшись тем, что сквайр и Абрахам Грей отвлеклись. А что их отвлекло? Вот как отвечает на этот вопрос Хокинс:

«Скоро для бегства представился удобный случай. Сквайр и Грей делали перевязку капитану. Путь был свободен. Я перелез через частокол и нырнул в чашу».

Почему перевязывают капитана люди, не сведущие в медицине? Ливси – единственный врач в компании кладоискателей, и раненый, естественно, находится под его присмотром. Получается, что доктор Ливси позабыл, что бинты время от времени надо менять? И перевязку в тот день, до своего ухода, не сделал? И не посмотрел, в каком состоянии раны? Какого дьявола за бинты взялись сквайр с Греем?

У медиков с давних времен есть традиция – обход и осмотр больных делать по утрам. С ранеными та же история, за ночь в ране может развиваться воспалительный процесс, не замеченный накануне. Доктор Ливси не знал эти азы медицинской науки?

Альтернатива одна – Ливси все-таки осмотрел утром того дня раны капитана и перевязал их. Но перевязал так неудачно, что вскоре повязки сбились и раны закровоточили. Тогда

понятно, отчего сквайр и Грей занялись не своим делом. Не понятно лишь, на какой толкучке доктор Ливси купил диплом врача.

Нам могут возразить: доктор должен ставить диагнозы и назначать лечение, проводить сложные операции, а простые процедуры – перевязывать раны, делать инъекции и ставить клизмы – входят в обязанности младшего медицинского персонала: санитаров, фельдшеров, медбратьев...

Но «должен» и «умеет» – немного разные понятия. Врач, допустим, в обычных условиях перевязками и уколами не занимается. Но обязан уметь делать их не хуже, чем подчиненные медики низшего звена. Как иначе проконтролировать работу фельдшера? Попадется неумеха, и начнут больные помирать от воздушной эмболии...

Диагност, кстати, доктор Ливси тоже весьма своеобразный. О том, как он лихо диагностировал удар у Билли Бонса: мгновенно, на глазок, даже не пощупав пульс у больного, – мы уже вспоминали. На острове чудеса диагностики продолжаются.

Ливси сам рассказывает нам о том, как осматривал Тома Редрута и ставил ему диагноз:

«Вдруг в кустах щелкнул пистолет. <...> Просвистела пуля, и бедняга Том Редрут пошатнулся и во весь рост грохнулся на землю. <...> Перезарядив ружья, мы кинулись к бедному Тому. Капитан и Грей уже осматривали его. Я глянул только краем глаза и сразу понял, что дело безнадежно».

Больше ничего конкретного о ране Редрута доктор нам не сообщает... Однако вот что любопытно: пистолет в кустах «щелкнул». Не грохнул, не бабахнул, – глагол соответствует негромкому звуку. Можно сделать вывод: пистолет небольшого калибра, карманный. Это вполне стыкуется с тем, что экипажи двух шлюпок отправились на берег по видимости безоружными, – здоровенный армейский или флотский пистоль восемнадцатого века незаметно в карман не спрятать.

Разумеется, и маленькая пулька может натворить больших дел, если попадет в сердце или голову. И все-таки чем меньше калибр пули, тем больше шансов выжить у раненого.

К тому же старый егерь не убит наповал: его перетаскивают в сруб, при этом он остается в сознании, он говорит длинными связными фразами. То есть мозг, скорее всего, не задет, сердце не прострелено. И легкие не прострелены – такая рана говорить долгими фразами не позволяет, тут же начинается кашель, на губах пузырится кровь. Так куда же ранили Тома Редрута, что доктор Ливси выдал свой мрачный вердикт, едва лишь взглянув краем глаза? Смертельным могло бы оказаться ранение в живот. Но тогда Редрут умирал бы значительно дольше и мучительнее.

Вероятно, пуля угодила в конечность, доктор намекает нам, что задета артерия: «нам удалось без всякой помехи перетащить несчастного егеря через частокол и внести его, истекающего кровью, под крышу блокгауза».

Артериальное кровотечение можно попытаться остановить, наложив жгут. Это азы медицины. Но доктор Ливси не упоминает о том, что он или кто-то иной пытался перевязать раненого. Он сообщает другое: «Мы положили его в сруб умирать». Бедолага Редрут попросту истек кровью. Без медицинской помощи.

«Глянул краем глаза» – вот и весь осмотр.

«Дело безнадежно» – вот и весь диагноз.

«Положили умирать» – вот и всё лечение.

Нет, не хотелось бы лечиться у такого доктора...

Рискнем заявить, что никакой доктор Ливси не врач. Он военный, он офицер, – и, как любой военный тех времен, кое-что понимает в военной медицине. Но не врач.

Вернемся еще раз к тому моменту, когда подстрелили Редрута. Доктор, напомним, первым делом перезаряжает оружие, и лишь потом соизволяет обратить внимание на раненого.

А его оружие – кремневый мушкет восемнадцатого века, заряжавшийся с дула. Зарядить его целая история, это не обойму вставить в современную винтовку.

Доктор заряжал, а под ногами у него лежал истекающий кровью человек. Не исключено, что спасти его можно было только немедленной помощью... И первыми попытались ему помочь капитан и Грей, отнюдь не медики, а люди, клятву Гиппократу не приносившие. Интересно, доктор Ливси слышал хоть краем уха о такой клятве?

Причем вопрос не стоял ребром: жизнь Тома Редрута или жизни остальных. Пираты один раз выстрелили из пистолета (судя по всему, единственного у них) – и поспешили унести ноги, на их стороне численное преимущество, но товарищи доктора вооружены до зубов, атаковать их со складными ножами – самоубийство. Если бы один мушкет из нескольких – принадлежавший доктору Ливси – остался не перезаряженным, никакого изменения в раскладе сил не произошло бы. Но доктор возится с оружием...

Что характерно, все эти резоны доктор Ливси прекрасно понимал. Он несколько ранее сам утверждает: «Много значит быть старым солдатом, но быть доктором значит больше. В нашем деле нельзя терять ни минуты».

«В нашем» – в смысле, во врачебном? Но на практике-то доктор демонстрирует нам реакцию не медика, а опытного солдата.

Первая же боевая стычка – и маска врача слетает с доктора. Мы видим, что перед нами военный. Его главная задача – уничтожение врагов, а не спасение раненых. И руководствуется он в случае с Редрутом не врачебной этикой, а логикой военного, чуть позже цинично сформулированной капитаном: «Пожалуй, не приходится жалеть, что мы избавились от лишнего рта».

Потом доктор свою маску подберет, отряхнет от песочка, снова начнет изображать медика... Но веры ему уже никакой.

Возможно, не мы первые заподозрили, что Ливси – фальшивый доктор медицины. Умный и проницательный Сильвер тоже мог почуять неладное. Хотя он и называет Ливси «доктором, окончившим колледж», – но утверждение это звучит в тот миг, когда пираты пытаются низложить Сильвера, а он опровергает их обвинения, беспардонно мешая в своей оправдательной речи правду и ложь.

Но вот что говорит Долговязый Джон в менее критических обстоятельствах – Джим уверяет нас, что подслушал слова кока, сидя в бочке из-под яблок; есть подозрения, что сказаны они были в иной обстановке, но не будем забегать вперед. Итак, Сильвер говорит:

«Я потерял ногу в том же деле, в котором старый Пью потерял свои иллюминаторы. Мне ампутировал ее ученый хирург – он учился в колледже и знал всю латынь наизусть».

Казалось бы, никакого отношения к Ливси сказанное не имеет. Но знание латыни как признак учености медика сформулировано... При этом на «Испаньоле» обретается врач, латыни либо не знающий, либо тщательно скрывающий (но зачем?) свое знание. Джон Сильвер вполне мог призадуматься над странным для врача невежеством.

* * *

Вспомнилось по аналогии...

В Морском уставе Российского флота, утвержденном в 1720 году Петром Первым, говорилось однозначно: корабельный лекарь в бою никоим образом участвовать не должен. Ему, лекарю, во время морского боя вообще строжайше запрещалось выходить на палубу – должен был находиться неотлучно в лазарете, принимая раненых и оказывая им помощь. А если устанавливалось, что больной или раненый умер от небрежения лекаря, то последнего судили корабельным судом за убийство. И приговаривали к казни. И корабельный профос приводил приговор в исполнение.

Можно держать пари на что угодно: процент выживших раненых в петровском флоте был в разы выше, чем аналогичный показатель у бедолаг с «Испаньолы», угодивших на попечение доктора Ливси.

* * *

Имеется еще одно весьма любопытное, хотя и косвенное, подтверждение того, что главная ипостась доктора Ливси – не врач, а офицер.

Когда «Испаньола» достигает цели плавания, происходит следующий эпизод:

«– У меня есть карта, – сказал капитан Смоллетт. – Посмотрите, тот ли это остров?

Глаза Долговязого Джона засверкали огнем, когда карта попала ему в руки. Но сразу же разочарование затуманило их. Это была не та карта, которую мы нашли в сундуке Билли Бонса, это была ее точная копия – с названиями, с обозначениями холмов и глубин, но без трех красных крестиков и рукописных заметок. Однако, несмотря на свою досаду, Сильвер сдержался и не выдал себя.

– Да, сэр, – сказал он, – этот самый. Он очень хорошо нарисован. Интересно бы узнать, кто мог нарисовать эту карту... Пираты – народ неученый...»

Зададимся и мы тем же вопросом: кто нарисовал копию карты Бонса? И когда?

Копия, скорее всего, сделана после отплытия из Бристоля. До отплытия карта находилась на руках у Хокинса, а он не сообщает о себе ничего, позволяющего заподозрить наличие таланта рисовальщика или картографа.

Вероятно, карту скопировали во время плавания, времени хватало. Но кто? У кого имелись соответствующие навыки?

Ясно, что не капитан Смоллетт, хотя у него наверняка имелись необходимые умения, – копия изготовлена как раз для капитана, категорически заявившего о своем нежелании знать, где зарыты сокровища, – чтобы он мог использовать ее в качестве лощи, пользоваться данными промеров глубин и т. д.

Кандидатов на авторство копии трое: Джим, Ливси и Трелони. Никому другому на борту «Испаньолы» секретную работу они не доверили бы.

Могли иметь сын трактирщика и богатый землевладелец навыки если не картографа, то хотя бы хорошего рисовальщика? Теоретически могли. Но ни единого подтверждения тому в тексте мы не находим, равно как и опровержения.

А вот Ливси, если он и в самом деле был офицером, необходимыми умениями обладал по умолчанию.

Дело вот в чем.

В двадцать первом веке военным людям легко ориентироваться на местности: включай GPS с заранее закачанной картой, а уж спутники услужливо подскажут местоположение... И в двадцатом веке военные типографии могли без проблем выдавать огромные тиражи и обеспечивать каждого офицера бумажной картой района боевых действий.

А вот в предшествующие века жизнь офицеров была сложнее. И соответствующих полиграфических мощностей не имелось, и спутники над головой не пролетали, и картографы не исходили-изъездили весь шарик со своими рейками и теодолитами.

Поэтому в число неперменных умений каждого офицера – наряду с фехтованием, верховой ездой и бальными танцами – входили навыки изображать кроки местности. Кроки – слово французское (не склоняется и произносится с ударением на последнем слоге) и означает набросок, топографический план, составленный методом глазомерной съемки.

Несомненно, что карта Бонса – тоже кроки, наверняка пираты Флинта не производили топографическую съемку острова. В экипаже «Моржа» имелся человек с навыками глазомерной съемки и крокирования. Очевидно, им был сам капитан Флинт.

И на борту «Испаньолы» такой человек имелся. Звали его доктор Ливси.

Наши рассуждения по поводу копии карты Бонса можно упрекнуть в гипотетичности и слабой обоснованности. Согласимся с тем, что построение достаточно умозрительное. Однако всё же объясняющее, почему у Ливси имелись неплохие навыки изображения карт.

Но версию о том, что Хокинс и Трелони могли нарисовать копию, нельзя подтвердить вообще никакой аргументацией.

* * *

Еще один интересный вопрос – а кто Ливси по национальности?

Фамилия у него звучит по-шотландски... Хотя явно выдумана, в шотландской истории персонажи с такими фамилиями не светились. В английской, впрочем, тоже.

Но имелись в Шотландии (и сейчас имеются) два клана с похожими родовыми фамилиями: Лесли и Ливингстоны, и фамилия доктора звучит так, словно образована от слияния этих двух.

Оба клана так называемые равнинные – и в самом деле, доктор Ливси никоим образом не похож на сурового шотландского горца, носящего килт, играющего на волынке и рубящего врагов в капусту дедовским палахом. Но равнинные шотландцы хорошего происхождения к описанному времени мало отличались от английских джентри.

Возможно, впрочем, что Ливингстоны здесь ни при чем: Александр Лесли, один из виднейших представителей своего клана, во время гражданской войны в Англии был пожалован титулом графа Ливен... Фамилия доктора может быть образована слиянием этого титула с клановой фамилией Лесли – так, чтобы звучала по-шотландски.

Совпадение? Случайное созвучие? Едва ли... Во-первых, Стивенсон сам был шотландцем и неплохо разбирался в генеалогии кланов. Во-вторых, имена своим героям мэтр придумывал не абы как, а весьма тщательно.

Пример: Бен Ганн, бывший пират, три года робинзонивший на острове. Тоже шотландская клановая фамилия, только из горной Шотландии. А у клана Ганнов имелись септы, то есть семейства, связанные с кланом тесным родством, но носящие другую фамилию. Среди прочих ганновских септов – Робинсоны. Сейчас мало кто вспоминает, что мать знаменитого Робинзона Крузо была шотландкой и носила девичью фамилию Робинсон, то есть происходила именно из этого септа.

И имечко у Бена Ганна под стать фамилии. Бенджамин (иначе Вениамин), если кто забыл, – библейский персонаж, сын Иосифа и Рахили, и имя его переводится с древнееврейского как счастливчик, везунчик (дословно – сын правой руки). Кому ж найти без всякой карты зарытое на острове сокровище, как не счастливчику и везунчику?

Поэтому пока допустим, что доктор Ливси – шотландец. Чуть позже мы увидим, что Джим Хокинс сообщает нам много фактов, на первый взгляд незаметных, но постепенно превращающих это допущение в уверенность.

* * *

Вот что любопытно: стоит лишь принять версию о шотландском происхождении Ливси, мгновенно исчезает неясность, давно нас смущавшая: как же так, дворянин с благородными манерами, – и прозябает в должности сельского лекаря... Почему же не смутился никто из знавших доктора Ливси? Почему никто ничего не заподозрил?

Всё очень просто: дворянин-то Ливси не английский, а шотландский. А это, как говорится, две большие разницы... Держава единая, два королевства объединены под одним скипетром, но шотландские дворяне далеко не равня английским.

Примерно то же происходило в России веком позже. Царство Польское – составная часть империи, права у польских дворян (шляхтичей) де-юре те же, что у российских... Но отношение к ним иное. Скептическое, мягко говоря... Обедневший и безземельный дворянин Лодзинской или Виленской губернии мог трудиться врачом, учителем, лесником, приказчиком, – и никого это не удивляло. Даже землю мог пахать самолично, обрабатывая клочок, уцелевший от владений предков, – никто бы не изумился. Дворянин? Польский? Ну понятно... Герб есть, родословная длинная, а портки с заплатами... Обычное дело.

В Великобритании с шотландскими дворянами та же картина: благородные и гордые, но зачастую нищие... И врач-шотландец с гербом и длинной родословной никого бы не шокировал.

Исторический пример: Уильям Смелли (1697–1763) – известнейший британский врач, почитаемый «отцом британского акушерства». Современник Ливси, а по происхождению – шотландский мелкопоместный дворянин, учился на медицинском факультете университета в Глазго, имел врачебную практику в родной Шотландии, позже в Лондоне...

Нельзя исключить, что и Ливси когда-то обучался на медика в том же самом учебном заведении. Скорее всего не доучился, забросив медицинскую карьеру ради военной, – кое-какие познания с юности остались, но минимальные. Медицинская латынь, по крайней мере, из головы напрочь вылетела.

Но при нужде, для непридирчивой публики, роль врача Ливси сыграть мог.

И сыграл, когда потребовалось прикрытие для его занятий, весьма далеких от медицины...

Каких именно? Скоро выясним.

Глава четвертая. К вопросу о точной дате

Пожалуй, пришла пора как можно более точно датировать описанные в мемуаре Джима Хокинса события. Без этого двигаться дальше сложно... Не установив точную дату, например, трудно понять, зачем в окрестностях Бристоля поселился шотландец, выдающий себя за врача...

Косвенных датировок в истории, излагаемой нам Джимом Хокинсом и отчасти (по меньшей мере в трех главах) доктором Ливси, множество.

А точная дата названа лишь одна, да и то имеющая весьма опосредованное отношение к событиям. Но она сразу бросается в глаза, она занозой торчит из текста, и логично бы именно ее взять за точку отсчета, но не будем спешить.

Зададимся вопросом: а почему, собственно, все прочие даты или не названы, или выманы из текста? А эта красуется, как баобаб в саванне, за много миль привлекая внимание? Не ложная ли она, случайно?

Именно так.

Дата ложная, и лживость мемуариста, сочинившего ее, мы докажем уже в этой главе. Но сначала займемся датировкой, пользуясь упоминаниями в тексте известных людей и событий.

Самая известная историческая личность из упоминаемых в тексте – английский король Георг. Хокинс и не скрывает особо, что дело происходит в царствование этого монарха... Беда в том, что имя правящего короля мы знаем, а его порядковый номер среди прочих Георгов остается неизвестным. Маленькая хитрость не то Хокинса-мемуариста, не то Ливси-редактора – датировать события таким образом всё равно что не датировать их вообще. Георги Ганноверские в количестве трех персон и с номерами с Первого по Третий правили Великобританией в течение века с лишним, причем без перерывов – один наследовал другому. Придумывая имена первенцам, монархи ганноверской династии особо фантазию не напрягали: а назовем-ка Георгом, в честь папы или дедушки... И называли.

Однако первые полтора десятилетия восемнадцатого века – правление королевы Анны – можно смело отсечь. Еще три десятка лет, вплоть до 1746 года, отсекает упоминание доктора Ливси о том, что он участвовал в сражении при Фонтенуа. Битва состоялась в мае 1745 года, значит, визиты Черного Пса и слепого Пью в «Адмирал Бенбоу» никак не могли состояться раньше 1746 года, поскольку происходили в январе.

Но Ливси – человек без возраста, как и прочие персонажи этой истории. Его действия на острове позволяют заподозрить, что он далеко не стар, но не более того. Доктор вполне мог биться при Фонтенуа в молодости, затем изучить медицину, стать мировым судьей, и где-нибудь в 1770 году отправиться за сокровищами вполне бодрым сорокапятилетним человеком... И с той же вероятностью рейд за сокровищами Флинта мог произойти спустя несколько месяцев после Фонтенуа.

Умалчивание Хокинса о возрасте своих сотоварищей вообще-то весьма настораживает... Что может быть естественнее, чем написать примерно так о персонаже, впервые появившемся на страницах мемуара: это был мужчина лет сорока, ну и пара слов про внешность... Но естественные ходы не для Хокинса. Он описывает цвет глаз и волос доктора, дородность сквайра, страшный шрам Билли Бонса и даже останавливается на такой мелочи, как обломанные и черные ногти старого пирата. Но ни разу ни слова о возрасте, хотя бы приблизительном, того или иного действующего лица...

Хорошо. Пусть Хокинс был юн, неискушен, близорук и ни разу не физиономист. Короче, не умел определять возраст по виду человека. Но хотя бы свой-то возраст он знал?

На страницах оригинала Хокинс сам себя часто называет боу, бой, т. е. мальчик. И другие его так называют. Но это слово может означать и младшего слугу в каком-то заведении, и

ученика мастера... Боем можно быть и в десять лет, и почти в двадцать. Равно как и юнгой, это слово тоже часто употребляется в отношении Джима.

Ничего конкретного Хокинс о своем возрасте нам не сообщает. Хотя довольно естественно помянуть в начале: в ту зиму мне исполнилось четырнадцать... Или семнадцать... Или одиннадцать...

Но нет. Не поминает. Мы можем лишь по смутным намекам догадываться, что совсем уж ребенком Хокинс быть не мог. Например, в соседней деревушке ему выдают пистолет для защиты от бандитов Пью. Ребенку едва ли доверили бы такую опасную игрушку. Пареньку лет четырнадцать – может быть...

Эпизод при защите блокгауза от пиратов позволяет предположить, что Хокинс еще старше. Дело доходит до рукопашной, и Джим наравне с остальными хватает холодное оружие и бежит рубиться с пиратами. Такие поступки, пожалуй, не для четырнадцатилетнего, тут поневоле представляется юноша как минимум лет шестнадцати-семнадцати...

Но Хокинс упорно твердит про себя: мальчик, мальчик, мальчик... Почему? Неужели сотворил на острове нечто, за что наказание полагается лишь с определенного возраста?

Вполне возможно... Но не будем сбиваться с главной темы этой главы, с вычисления точной даты событий.

* * *

Интересную подсказку дает нам сквайр Трелони в своем письме, отправленном из Бристоля в поместье. Вот что он пишет про вербовку экипажа шхуны: «Я хотел нанять человек двадцать на случай встречи с дикарями, пиратами или проклятым французом».

Причем переводчик немного не точен, в оригинале сквайр опасается не какого-то одного конкретного проклятого француза, но «the odious French», то есть Франции, причем гнусной, отвратительной Франции.

Можно сделать вывод – между Францией и Британией в то время идет война.

Вывод наш немедленно подтверждается – там же, в письме сквайра, буквально в следующих строках: хотел-то он хотел, но вместо двадцати человек с трудом завербовал лишь шестерых, и, если бы не удачное знакомство с Джоном Сильвером, экипаж шхуны до сих пор не был бы укомплектован.

По данным английских исследователей, в середине восемнадцатого века среднегодовой набор в британский военный флот составлял около четырнадцати тысяч человек в мирное время, в годы же войны он увеличивался в среднем до сорока трех тысяч в год, плюс к тому свыше двух тысяч моряков попадали в экипажи приватиоров. При этом набор в торговый флот уменьшался незначительно.

Дело в том, что линейные корабли – главная ударная сила британского флота – в восемнадцатом веке в мирное время по морям-океанам не плавали, все стояли в портах и имели на борту весьма урезанные команды, достаточные лишь для того, чтобы поддерживать корабли в рабочем состоянии. Тактические задачи мирного времени: охрану побережья и морских коммуникаций, борьбу с пиратами, контрабандистами и флотилиями туземных властителей, – решали фрегаты и другие суда, рангом поменьше. Если же случалась война с европейской морской державой, экипажи линейных кораблей укомплектовывали в сжатые сроки, гребли всех годных, и ограниченно годных, и в жизни моря не нюхавших, но подвернувшихся вербовщикам под горячую руку...

То есть моряки, опытные матросы, – специальность в Англии в военное время крайне дефицитная. Значит, и в самом деле к моменту отплытия «Испаньолы» шла война. С гнусной Францией.

В восемнадцатом веке эти две державы воевали часто, но всё же с перерывами. Упомянутая битва при Фонтену состоялась во время Войны за австрийское наследство, завершившейся в 1748 году. Затем несколько лет хрупкого мира, в 1756 году Англия вновь объявляет войну Франции, позже к схватке присоединятся другие державы, а еще позже война получит название Семилетней (1756–1763 гг.).

Получается, что между 1748 и 1756 годом у сквайра Трелони нет оснований опасаться встречи с французскими каперами или военными кораблями. И на недостаток матросов, ищущих работу, тоже нет оснований сетовать.

Даже, пожалуй, между 1748 и 1755 годом – кладоискатели отправляются в Новый Свет, а там военные действия между французами и англичанами (и на суше, и на море) велись еще до официального объявления войны, с лета 1755 года.

Итак, временной промежуток с помощью сквайра и его письма сузился еще сильнее, к тому же распочковался на два временных интервала: между 1746 и 1763 годом, но с перерывом на восемь лет мира в 1748–1755 годах. Почти всё возможное время действия приходится на царствование Георга Второго, и лишь последние три года Англией правил Георг Третий.

Но во время какой именно войны сквайр решил отправиться за сокровищами Флинта? Семилетней? Или Войны за австрийское наследство?

Единственная дата, не вымаранная в тексте, указывает четко и однозначно: дело происходит в Семилетнюю войну.

Но дата лжива.

Дата введена в текст лишь для того, чтобы обмануть тех, кто решит-таки докопаться до ответа на вопрос: в каком году «Испаньола» отплыла из Бристоля?

Впрочем, обо всем по порядку.

* * *

Итак, сквайр Трелони и доктор Ливси изучают бумаги, найденные в сундуке покойного Билли Бонса. До карты дело пока не дошло, перед ними тетрадь Бонса, его приходная книга.

«Десять или двенадцать следующих страниц были полны странных бухгалтерских записей. На одном конце строки стояла дата, а на другом – денежный итог, как и обычно в бухгалтерских книгах. Но вместо всяких объяснений в промежутке стояло только различное число крестиков. Двенадцатым июня 1745 года, например, была помечена сумма в семьдесят фунтов стерлингов, но все объяснения, откуда она взялась, заменяли собой шесть крестиков. Изредка, впрочем, добавлялось название местности, например: «Против Каракаса», или просто помечались широта и долгота, например: 62°17'20"гг, 19°2'40"гг.

Записи велись в течение почти двадцати лет. Заприходованные суммы становились всё крупнее. И в самом конце, после пяти или шести ошибочных, зачеркнутых подсчетов, был подведен итог, и внизу подписано: «Доля Бонса».

– Я ничего не могу понять, – сказал доктор Ливси.

– Всё ясно, как день! – воскликнул сквайр. – Перед нами приходная книга этого гнусного пса. Крестиками заменяются названия потопленных кораблей и ограбленных городов. Цифры обозначают долю этого душегуба в общей добыче. Там, где он боялся неточности, он вставлял некоторые пояснения. «Против Каракаса», например. Это значит, что против Каракаса было ограблено какое-то несчастное судно. Бедные моряки, плывшие на нем, давно уже гниют среди кораллов».

Простите за большую цитату, но тут разобраться стоит очень основательно. Разобраться не с приходной книгой старого пирата, как раз она лишних вопросов не вызывает. Интересно другое: почему Хокинс, как огня боявшийся любой географической и хронологической опреде-

ленности, вдруг выдает нам точную дату и точные координаты некоей географической точки? Что на него нашло?

Дата, между прочим, дает нам вполне достаточную уверенность – описанные события произошли в 1755 году, или позже. Но никак не раньше.

И в самом деле: двенадцатого дня июня месяца 1745 года судно капитана Флинта совершило акт морского разбоя, сиречь пиратства. Даже если оно стало одним из последних дел шайки и в том же году Флинт скончался от неумеренного потребления рома, – «Испаньола» никак не могла оказаться у Острова Сокровищ в 1748 году, т. е. до завершения Войны за австрийское наследство. Почему?

Ответ лежит на острове. Вернее, ответ бродит по острову и зовут его Бен Ганн.

Бен прожил на острове в одиночестве три года, а попал туда после смерти Флинта (он настолько хорошо знает обстоятельства смерти пиратского капитана, что понятно: либо сам присутствовал, когда умирал Флинт, либо слышал подробный рассказ кого-то из присутствовавших).

Точнее, в три года уложиться можно, но тогда придется действовать с неимоверной стремительностью. Примерно так: 12 июня 1745 года Флинт топит некий корабль, забирает добычу (Бонс получает свою долю в семьдесят фунтов). Причем сокровища уже спрятаны на острове, иначе никак не успеть. Но Флинту тех колоссальных богатств мало, – увидел некое судно на пути в Саванну, да и взял на abordаж по привычке. Машинально, так сказать. Совсем как Шура Балаганов, получивший свою долю от миллиона Корейко и тут же своровавший в трамвае кошелек с семью рублями. Привычка, как известно, вторая натура.

Едва оттремели пушки, закончился abordаж и моряки с потопленного судна отправились гнить среди кораллов, Флинт мчится в Саванну. Примчавшись, поднимается вверх по реке (порт Саванны, в те времена столицы английской колонии Джорджия, расположен не на океанском берегу). Швартуется и немедленно начинает умирать, через несколько дней с успехом завершив означенное мероприятие.

Далее эстафетную палочку подхватывает Бен Ганн. И тоже демонстрирует нам чудеса спринта. Едва услышав знаменитую предсмертную фразу Флинта «Дарби Макгроу, дай мне рому!», Бен Ганн стрелой несется наниматься на какой-то из кораблей, оказавшихся в порту Саванны. Удачно нанимается, и корабль тут же на всех парусах плывет к Острову Сокровищ, чтобы там Бен Ганн подбил команду на поиск сокровищ, ничего не нашел и остался на три года поджидать «Испаньолу». Срок робинзонады получается чуть меньше трех лет, но не будем придирааться: Ганн мог округлить, к тому же ко времени встречи с Джимом давно сбился со счета дней: «Я приходил сюда и молился изредка, когда я думал, что, может быть, сейчас воскресенье», – говорит он Хокинсу. Но смену времен года бывший пират в любом случае не мог не заметить.

Получается, что 1748 год, последний год Войны за австрийское наследство, нам не подходит для датировки событий. Дело даже не в сверхъестественной быстроте действующих лиц. При таком раскладе матросы из нового экипажа Ганна отыскиали бы клад легко и быстро. Помогли бы им свежая вскопанная земля на яме с золотом и хорошо натопанная тропа, ведущая к ней от того места на берегу, где были выгружены сокровища, а что это за место, Бен Ганн знал.

Должно было пройти несколько месяцев и хотя бы один сезон дождей, чтобы позарастила стежки-дорожки. Чтобы исчезли следы трудов Флинта по сокрытию сокровищ. А еще лучше – пара-тройка лет.

Короче говоря, из даты 12 июня 1745 года автоматически следует 1755 год – как самая ранняя возможная дата прибытия «Испаньолы» к Острову Сокровищ. Война между Англией и Францией в Новом Свете уже идет, через год она превратится в общеевропейскую Семилет-

ную войну, и сквайр Трелони, соответственно, опасается встретить французский военный или каперский корабль.

Картину Хокинс (или его редактор Ливси) нарисовал на заглавье, не подкопаешься. Но дело портит одна-единственная лишняя деталь, призванная, по задумке, сыграть обратную роль – вызвать у всех читающих мемуар Хокинса еще большее доверие к автору.

Деталь эта – географические координаты из тетради Бонса.

Кого они интересуют? Никого. Судно давно потоплено, экипаж его давно сгнил среди кораллов. Но координаты очень точные – не просто градусы и минуты, но даже секунды указаны. Не сказано, правда, какая широта имеется в виду – южная или северная, и какая долгота, восточная или западная. Будь координаты из тетради Бонса записаны в наше время, можно было бы трактовать их однозначно: широта северная, долгота восточная – для южной широты и западной долготы перед числовыми значениями ставят минус (для удобства компьютерной обработки данных) и всем всё понятно. Но в восемнадцатом веке такой формы записи не существовало.

Да и неважно, Бонс прекрасно знал, в каких местах плавал «Морж», а всем остальным эти координаты совершенно безразличны.

Джим Хокинс, до того бегающий от любой конкретики, как черт от ладана, называет нам точные координаты с единственной целью – вызвать больше доверия к точной дате, названной рядом с ними. Чтобы создать впечатление у читающих: либо тетрадь Бонса лежит перед Хокинсом в процессе сочинения мемуара, либо у мемуариста идеальная память на цифры – один раз увидел и на всю жизнь запомнил.

Но Хокинс допустил фатальную ошибку, погубившую весь замысел. Или Ливси допустил, или они оба допустили. Не посмотрели на глобусе, где расположена указанная точка. Вернее, четыре точки – подставляя в координаты последовательно восточную и западную долготу, а затем и южную и северную широту, можно получить именно четыре комбинации. Ливси и Хокинс такой ерундой не занимались. Может, сразу глобуса под рукой не оказалось, а потом позабыли проверить. Может, не ожидали от читателей такой скрупулезной дотошности.

А мы читатели дотошные. Возьмем глобус или найдем интерактивную карту в Интернете, – и проверим.

Результат проверки немного шокирует. Если Билли Бонс считал широту по умолчанию северной, то искомые точки угодят в Северную Атлантику. Причем одна окажется на суше, в Исландии. Кого мог ограбить Флинт на северном острове, никакими богатствами не славном? Никого. Вычеркиваем эту точку. Вторая – в Ботническом заливе, между берегами Швеции и Финляндии. Что позабыли джентльмены удачи, промышлявшие на колониальных торговых путях, в заливе внутреннего европейского моря? Нечего им там делать, вычеркиваем.

Если принять широту за южную, картина вырисовывается чуть более приглядная, – обе точки лежат на океанских просторах.

Правда, название океана сразу определить затруднительно... Дело в том, что географы сами толком не знают, сколько океанов на планете Земля. Изначально, по завершении эпохи Великих географических открытий, океанов насчитывалось четыре. Тогда точки с координатами из тетради Билли Бонса попадают в Южную Атлантику. Но в 1937 году Международная гидрографическая организация официально ввела понятие Южного Ледовитого Океана – водного пространства вокруг Антарктиды, ограниченного шестидесятым градусом южной широты. В 1953 году новый океан отменили и упоминать перестали, а в 2000 году восстановили под именем Южного или Антарктического, но вроде бы не все страны, входящие в МГО, это решение признали...

В восемнадцатом веке такая же смутная картина: одни географы Южный океан признавали и на картах его рисовали, другие нет.

Но как океан ни называй, ясно: Хокинс опрометчиво отправил капитана Флинта и его судно «Морж» в приполярные широты, в места холодные и безлюдные даже в двадцать первом веке. А уж в восемнадцатом... Кого там Флинт умудрился взять на abordаж? Айсберг с пингвинами?

Вывод прост: назвав точные координаты, Хокинс либо положился на свою память и всё на свете перепутал, либо преднамеренно нам соврал. Преднамеренно, но неумело, не потрудившись придать лжи хоть видимость правдоподобия.

Следует ли из этого, что дата, указанная рядом с координатами, настолько же «правдива»? Взята с потолка, высосана из пальца, – но только не переписана из тетради Билли Бонса?

Положительный ответ напрашивается. Но не будем спешить. Да, Хокинс о многом умалчивает в своем мемуаре. Да, порой он беспардонно лжет. Если отбросить эмоциональные оценки личности мемуариста и рассуждать с позиций холодной логики, становится ясно: из ложных координат никак не следует, что дата тоже ложная. Не будем уподобляться Хокинсу с Ливси и заниматься передергиваниями. Продолжим наше беспристрастное исследование.

* * *

Хотя обидно... Единственная полноценная и точная дата в тексте, а мы не знаем, можно от нее отталкиваться или нет... Впрочем, такое сомнение уже само по себе ответ. Воспользуемся принципом старых опытных грибников: не уверен, не бери. И тогда не отравишься сомнительными грибами...

В общем, вынимаем сомнительную дату 12 июня 1745 года из нашего лукошка и вручаем Джиму Хокинсу – сам кушай свои грибы, сказочник.

А мы тем временем обратимся к другому свидетелю. К Джону Сильверу. Он грибы не употребляет, да и ром пьет в меру. И заслуживает доверия больше, чем Джим Хокинс.

* * *

Как уже сказано, именно образ Джона Сильвера – ключ к пониманию остальных персонажей, к правильной интерпретации происходящих событий. Ключ к коду Стивенсона.

Сильверу пятьдесят лет, он сам называет свой возраст. И сообщает свою трудовую биографию:

«Капитаном был Флинт. А я был квартирмейстером, потому что у меня нога деревянная. Я потерял ногу в том же деле, в котором старый Пью потерял свои иллюминаторы. Мне ампутировал ее ученый хирург – он учился в колледже и знал всю латынь наизусть. А всё же не отвертелся от виселицы – его вздернули в Корсо-Касле, как собаку, сушиться на солнышке... рядом с другими. Да! То были люди Робертса, и погибли они потому, что меняли названия своих кораблей. Сегодня корабль называется «Королевское счастье», а завтра как-нибудь иначе. А по-нашему – как окрестили судно, так оно всегда и должно называться. Мы не меняли названия «Кассандры», и она благополучно доставила нас домой с Малабара, после того как Ингленд захватил вице-короля Индии. Не менял своего прозвища и «Морж», старый корабль Флинта, который до бортов был полон кровью, а золота на нем было столько, что он чуть не пошел ко дну.

– Эх, – услышал я восхищенный голос самого молчаливого из наших матросов, – что за молодец этот Флинт!

– Дэвис, говорят, был не хуже, – сказал Сильвер. – Но я никогда с ним не плавал. Я плавал сначала с Инглендом, потом с Флинтом. А теперь вышел в море сам».

Сильвер точен в именах и событиях. Бартоломью Робертс и Эдвард Ингленд – реально существовавшие пиратские капитаны, летопись их свершений хорошо известна и позволяет

датировать с точностью до года тот морской бой, в результате которого Джон Сильвер лишился ноги.

1719 год – вот когда Долговязому Джону ампутировал ногу ученый хирург из экипажа Робертса. Лишь в 1719 году оба пиратских капитана действовали в одном районе, у западного побережья Африки. Позже пути их разошлись: Робертс подался на запад, к берегам Вест-Индии, а Ингленд отплыл в Индийский океан, где его люди и в самом деле захватили вице-короля Конде де Эрисейру (вице-короля Португальской Индии со столицей в Гоа, англичане учредили индийское вице-королевство значительно позже).

Теоретически, ампутация могла случиться и позднее, когда Сильвер уже плывал в команде Флинта. Но не позже февраля 1722 года, когда Робертс погиб в морском бою, а оставшиеся в живых члены его экипажа были доставлены в Корсо-Касл на Золотом Берегу (территория современной Ганы в Африке) и после суда казнены. Надо отметить, что часть подсудимых британская Фемида всё же помиловала, но про хирурга Сильвер говорит однозначно: был повешен, вследствие чего потерял способность заниматься врачебной деятельностью вообще и ампутациями в частности...

Ингленд к тому времени был низложен своим экипажем (вернее, экипажами, под его началом собралась небольшая пиратская эскадра). После чего его люди разделились. Кто-то решил, что награблено достаточно и пора воспользоваться плодами трудов. Другие продолжили пиратствовать. Скорее всего, какая-то часть пиратов Ингленда (и Джон Сильвер среди них) избрала капитаном Флинта.

Где пиратствовал Флинт, в точности неизвестно – он вполне мог оказаться у африканских берегов, куда к тому времени вернулся Бартоломью Робертс. Но если даже пути Сильвера и Робертса (вернее, хирурга с судна Робертса) еще раз ненадолго пересеклись в самом начале 1722 года, ампутация в это время представляется сомнительной.

И вот почему. Даниэль Дефо в своей документальной книге «Всеобщая история пиратов» приводит крайне любопытный факт: осенью 1720 года в экипаже Ингленда плывал одноногий моряк!

Свидетельствовал о том капитан английской Ост-Индской компании Макрэ (правильнее, очевидно Макрей или Мак-Рей, но английского оригинала под рукой нет, так что остановимся на варианте, предложенном переводчиком). Макрэ угодил на борт корабля Ингленда и остался в живых. Ингленд никогда особой кровожадностью не отличался и хотел капитана Макрэ отпустить, забрав судно и груз, разумеется. Неожиданно против такого решения восстал Тейлор, командовавший одним из кораблей в эскадре Ингленда. Может, встал Тейлор в тот день не с той ноги, может, по иной причине, но он настаивал: Макрэ надо убить!

Короче, пиратские вожаки поругались, их подчиненные тоже разошлись во мнениях... Точку в спорах поставил одноногий моряк. Вот как описывает это Дефо:

«Случилось событие, обернувшееся к пользе бедного капитана: детина с устрашающими бакенбардами и деревянной ногою, обвешанный пистолями, как туземец дротиками, перемежая пустословие божбою, заявляется на ют и спрашивает, чертыхаясь, кто здесь будет капитан Макрэ. Капитан ожидал, по меньшей мере, что сей детина станет его палачом».

Но одноногий сказал: «Покажите мне того, кто осмелится задеть капитана Макрэ, ибо он будет иметь дело со мною!» – и Макрэ никто не тронул. Высокий рост, деревянная нога, большой авторитет у пиратов... Надо думать, звали детину Джон Сильвер и никак иначе. За двадцать с лишним лет манеры и даже лексика Долговязого Джона не изменились: «Кто тронет его, будет иметь дело со мной!» – говорит он на Острове Сокровищ пиратам, пожелавшим пустить кровь Джиму. И Хокинса тоже никто не тронул.

Одноногие пираты изредка встречались, и даже одноногие пиратские капитаны (француз Леклерк, например, или голландец Джолл), но всё же это исключение из правила. Нелепо

предполагать, что пиратские корабли были богадельней для инвалидов, лишившихся конечностей. Два одноногих пирата в команде – явный перебор.

То есть Сильвер ноги лишился в 1719 году.

* * *

А теперь вернемся к нашей датировке плавания «Испаньолы». Если дело происходило в 1755 году или позже (к такому выводу нас усердно подталкивает Джим Хокинс), то пятидесятилетний Сильвер родился самое раннее в 1705 году.

То есть к 1719 году, к моменту ампутации, ему никак не больше четырнадцати лет!

Понятно, что в таком возрасте на пиратском корабле он мог быть только юнгой. Пушечное ядро не разбирает, кому раздробить конечность, и юнга Сильвер вполне мог потерять ногу. Но тогда каким чудом он превратился в рослого и авторитетного детину, встреченного год спустя капитаном Макрэ? Надо было уже обладать немалым авторитетом, что сохранить место в экипаже (и свою долю в добыче), потеряв ногу, а вместе с ней способность драться в абордажных схватках, работать с парусами и т. д.

Мог быть такой авторитет у четырнадцатилетнего Сильвера? Откуда? Охромевшего подростка немедленно списали бы на берег, побираться у портовых кабаков... Хотя надо отметить, что во многих пиратских «кодексах» и «уставах» прописывались солидные компенсации за увечья. Но получил бы эти денежки Сильвер или нет, – в любом случае оказался бы на берегу.

Поневоле приходится опускать искомую дату к самому нижнему пределу, к 1746 году. Тогда Сильвер родился в 1696 году и стал одноногим инвалидом в возрасте двадцати трех лет.

Эти цифры куда более правдоподобны. Ингленд начал пиратствовать в 1717 году, Сильверу двадцать один год, он взрослый мужчина, вполне способный отличиться при абордажах и заработать за два года немалый авторитет.

Рис. 2. Единственный прижизненный портрет Джона Сильвера, да и то сделанный не с натуры, а по описанию капитана Макрэ.

Надо еще учесть, что Сильвер мог слегка округлить свой возраст. Если ему чуть больше заявленного полтинника, пятьдесят два, например, – то ногу он потерял в двадцать пять. Более чем зрелый возраст для восемнадцатого века. Герцог Кумберлендский, например, о котором поминает доктор Ливси, командовал войсками под Фонтенуа в двадцать четыре и никто его юнцом не считал.

Итак, потратив много времени и сил, мы установили: Черный Пес и Пью приходили за картой в «Адмирал Бенбоу» в январе 1746 года. «Испаньола», соответственно, отплыла из Бристоля не позже марта того же года.

А единственная полная дата в мемуаре Хокинса ничего общего с действительностью не имеет.

Глава пятая. Как фехтуют на кортиках, или Где алмазы Черного Пса?

Почти все, кто читал «Остров Сокровищ» и хоть немного задумывался над прочитанным, недоумевали: а почему в качестве главного холодного оружия описаны кортики?

Кортиками персонажи лихо фехтуют, причем постоянно наносят размашистые рубящие удары, кортиками пользуются и пираты, и сухопутные джентльмены вроде доктора Ливси, лишние кортики раскладывают на поленницах защитники блокада на случай рукопашной схватки...

Ну ладно, в фехтование с рубящими ударами с трудом, но поверить можно. Кортик ведь кортику рознь. Охотничьим кортиком, так называемым хиршфангером (от нем. *hirschfanger* – «олений нож») при нужде и голову с плеч снести можно, по своим размерам и ТТХ некоторые экземпляры этого оружия ничем не уступали мечам.

Флотские кортики размером скромнее, но и среди них встречались модели, приспособленные для рубящих ударов. Как раз такие кортики – с изогнутым широким клинком, ведущие происхождение не от шпаги, а явно от сабли, – были распространены в британском флоте в восемнадцатом и в начале девятнадцатого века.

Пару таких кортиков сабельного типа, причем именно британских, можно увидеть в Центральном военно-морском музее Санкт-Петербурга. И историю о том, как один из этих кортиков попал в музей, мы вспомним позже – благо весьма занимательна и имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования.

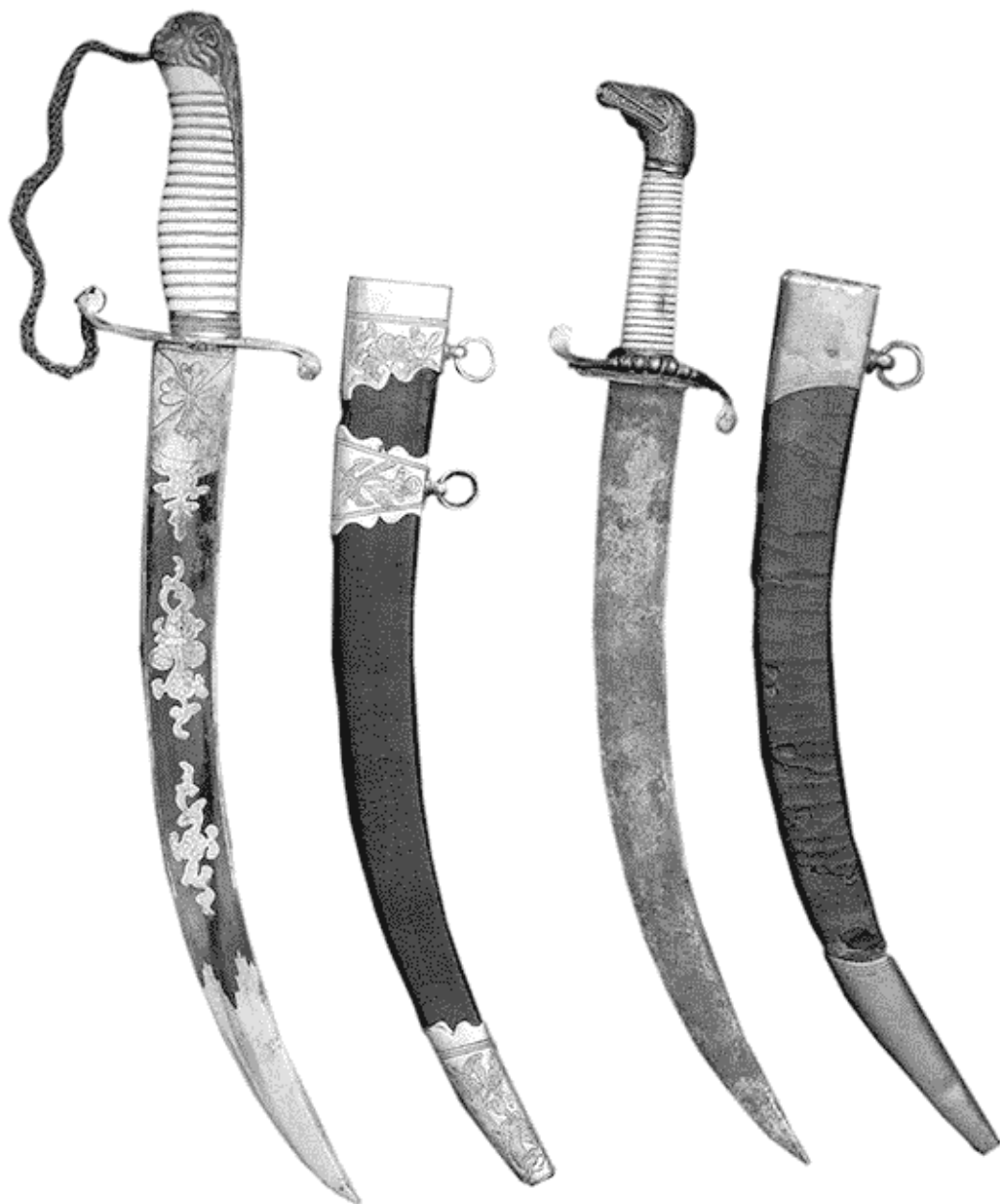

Рис. 3. Английские флотские кортики конца XVIII века. Происхождение от сабли, а не от шпаги очевидно, но рубиться таким оружием все-таки затруднительно, длина клинка без рукояти около 30 см.

Однако флотский кортик – неважно, пригоден он для рубящих ударов или нет, – оружие офицеров и мичманов. Личное оружие. Личное в самом прямом смысле слова: изготавливались кортики в мастерских только под заказ, никакого массового производства, никакой анонимной продажи. Кортики в тех семействах, где морская служба была семейной традицией, передавались от дедов внукам, и зачастую в музеях встречаются кортики сборные, составные – клинок начала восемнадцатого века, а ножны и рукоять сделаны веком позже, взамен изношенных, пришедших в негодность...

Утратить кортик для офицера – всё равно что полку утратить боевое знамя – позорно и постыдно. Тем более постыдно отдать кортик в руки врага. За борт швыряли, но не отдавали. Откуда такое изобилие «лишних» кортиков на страницах мемуара Хокинса?

Ладно пираты, у них, допустим, трофейные с давних времен... Но откуда столько кортиков среди оружия, закупленного сквайром Трелони для «Испаньолы»? Ни одного кортика штатскому и сухопутному сквайру не продали бы без предъявления патента морского офицера.

А ему их и не продали. Потому что сквайр кортики и не закупал. Сверхизобилие кортиков появилось исключительно стараниями переводчика.

Вот как в оригинале первый раз упомянут «кортик» (Билли Бонс отправляется с ним на прогулку по морскому берегу): his cutlass swinging under the broad skirts of the old blue coat.

Не кортик. Катласс (cutlass). И далее то же самое – везде, где в переводе упомянуты кортики, в оригинале вместо них стоят катлассы.

В русском языке термин cutlass широкого распространения не получил, в отличие от английского. Переводят его как абордажная сабля, и как абордажная полусабля, и даже как абордажный меч. Но наиболее точно отражает суть дела другой термин – абордажный тесак.

По форме катлассы напоминали саблю, но были короче (клинок без рукояти обычно не менее 50 см) и в то же время гораздо массивнее, что позволяло и рубиться в тесных корабельных помещениях, и с успехом применять оружие на манер топора – против абордажных крючьев или против оснастки вражеского корабля.

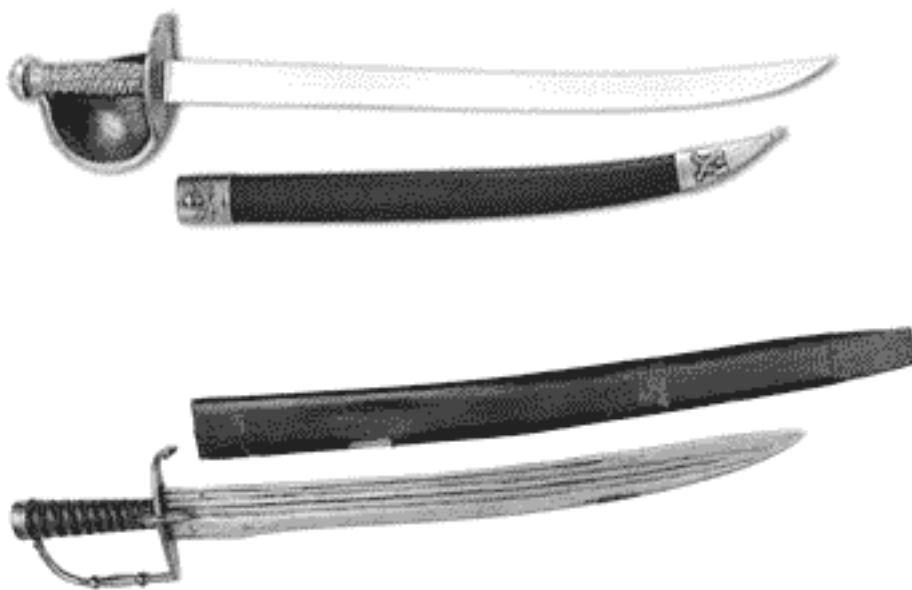

Рис. 4. Абордажные тесаки, они же катлассы.

* * *

Первая схватка с применением холодного оружия произошла в «Адмирале Бенбоу» между Билли Бонсом и Черным Псом. А схватке предшествовал разговор, настолько любопытный, что заслуживает отдельного и очень внимательного разбора.

Юный Джим Хокинс излагает дело следующим образом: Черный Пес неожиданно появился в трактир, дождался Билли Бонса, начал с ним разговор за стаканчиком рома. О чем

конкретно шла речь, Хокинс не слышал, до него доносились лишь отдельные громко произнесенные слова и фразы: ругательства, угроза Билли Бонса: «Если дело дойдет до виселицы, пусть на ней болтаются все!»

Завершилась беседа дракой, вернее, схваткой на тесаках, в которой Черный Пес получил рану и бежал с поля боя. Бонс преследовал его и мог бы прикончить в дверях последним ударом, но... «...Кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске снизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него».

В этом столкновении много странного... Но чтобы лучше понять странности, надо разобраться с личностью Черного Пса.

* * *

Считается, что Черный Пес – пират из экипажа капитана Флинта, не попавший (к счастью для себя) на борт «Испаньолы» только потому, что Джим Хокинс хорошо знал его в лицо.

И в самом деле, Пес называет себя старым корабельным товарищем Билли Бонса, а последний никак это не оспаривает. Но вот вопрос: а в самом ли деле Черный Пес плывал на корабле Флинта до самого конца, до смерти пиратского капитана в Саванне?

Есть очень много оснований утверждать, что всё происходило с точностью до наоборот – Черный Пес покинул экипаж Флинта задолго до того. Есть вероятность, что он даже вообще не плывал с Флинтом, что его знакомство с Бонсом произошло на корабле другого пиратского капитана, Ингланда.

Дело в том, что на пиратских кораблях происходила постоянная «ротация кадров». Потери при морских артдзюлах и абордажах были велики – если противники, конечно, не трепетали при виде черного флага, а решали всерьез драться.

Например, схватка с кораблем Ост-Индской компании под командованием упоминавшегося выше капитана Макрэ уменьшила экипаж Ингланда почти на сто человек: после яростного боя насчитали девяносто девять убитых и тяжело раненных!

Их выжившие коллеги не сильно печалились по павшим – согласно пиратским кодексам доля погибших делилась между уцелевшими. Но для успешных действий при абордажах требовалось численное преимущество над командами купеческих судов и пиратские экипажи нуждались в постоянном пополнении. Новобранцев частично вербовали из побежденных, на добровольно-принудительной основе. Частично набирали в разных местах, пользующихся дурной славой, куда стекались авантюристы, изгои, беглые преступники (например, Черепеховый берег в Вест-Индии, «пиратская республика» на Мадагаскаре, некоторые голландские колонии, охотно привечавшие пиратов).

В результате такой практики в каждом пиратском экипаже личный состав неизбежно расслаивался. Если воспользоваться терминологией, изобретенной столетия спустя в советской армии, были там «салаги» – необстрелянные пираты, ничего не успевшие заработать; были «духи» – уже с кое-каким боевым опытом и кое-какой долей в общей добыче, но не особо большой; были «дедушки» – весьма авторитетные и опытные пираты, с солидными паями в «общаке», но пока что не считающие, что пора подводить итог и делить заработанное.

Наконец, были «дембеля» – наплававшиеся, разбогатевшие и не видящие стимулов для нового риска.

Джон Сильвер в своем рассказе упоминает индийского вице-короля, захваченного пиратами Ингланда. Случай вполне реальный, описанный в исследовании Дефо. Вместе с вице-королем джентльменам удачи досталась и неплохая добыча – только лишь драгоценных камней, в основном алмазов, почти на четыре миллиона пиастров.

И вот тут пиратские «дембеля» (да и «дедушки», наверное) собрали сходку и провели решение: хватит, пора подбивать итоги.

Алмазы поделили. На одну долю пришлось по сорок два некрупных камня. Более крупные камни при дележе засчитывали за несколько мелких. Как анекдот Дефо приводит историю о пирате, получившем один, зато самый большой алмаз. Посчитав себя обделенным и мало разбираясь в конъюнктуре рынка, пират немедленно раздробил свой камешек (алмазы очень тверды, но ударные нагрузки держат плохо). Получилось 43 осколка – больше чем у других, однако!

После той исторической дележки часть команды Ингланда покончила с пиратством, остальные решили еще немного пособирать в житницы...

Так вот, скорее всего среди «завязавших» были и Пью, и Черный Пес (Пью даже наверняка).

Доказательства?

Сейчас изложим.

* * *

Первое, о чем упоминает Джим Хокинс, описывая Черного Пса, – цвет лица. Лицо у Пса бледное и землистое.

Но ведь отличительная черта моряков, долго плававших в тропических и экваториальных широтах, – вьевшийся загар, по несколько лет не сходящий! Билли Бонс уже давненько не у дел, а лицо у него до сих пор коричневое! И другие старые пираты отличаются тем же: штурман Эрроу, Том Морган, Израэль Хендс (последнего доктор Ливси называет «краснорожим негодяем» – возможно, дело в особенностях реакции кожи на ультрафиолет; в любом случае ничего общего с «бледностью» и «землистостью»).

Из пиратских «авторитетов» лишь у Джона Сильвера лицо бледное. Хокинс это подчеркивает, обращает на это внимание, – надо полагать, по контрасту с лицами других моряков. Однако с Сильвером всё понятно – он с парусами не работал под тропическим солнышком, да и вообще по причине своей одноногости проводил на палубе гораздо меньше времени, чем остальные.

Почему же Черный Пес столь разительно отличается от Билли Бонса цветом лица? Потому что он значительно раньше вернулся из тропических широт и много лет живет на туманном Альбионе.

И вот еще что: Черный Пес в разговоре с Хокинсом упоминает о том, что у него есть сын примерно одного возраста с Джимом. Если это правда, а не выдумка с целью вызвать доверие и расположение Джима, то Пес вернулся на Британские острова не менее полутора десятков лет назад. Иначе возникает образ семейного пирата, приезжающего в отпуск, дабы зачать сына, затем возвращающегося пиратствовать в южные моря, а потом снова воссоединяющийся с давно покинутым семейством... – как-то не вызывает доверия такой пират-семьянин.

Представляется, нет нужды доказывать, что слепой Пью тоже долго жил в Англии к тому времени, когда появился на дороге возле трактира «Адмирал Бенбоу». Слепой – не однорукий, не одноногий, и не трехпалый; на пиратском корабле для слепца нет посильного занятия. Значит, нет и доли в общей добыче. Пью не мог плавать по морям просто так, рискуя жизнью бесплатно. А его коллеги не могли впустую расходовать на слепца провиант, пресную воду и койко-место. В 1719 году или чуть позже Пью (потерявший «иллюминаторы» в том же бою, что и Сильвер ногу) отправился на берег, получив свою долю, заработанную к тому времени, плюс весьма солидную компенсацию за утраченное зрение.

Но вернемся к Черному Псу. Из рассказа Хокинса создается впечатление, что трехпалый пират далеко не богат. Куда же подевались сорок два небольших алмаза или меньшее число крупных камней? Да и за предыдущие дела какая-то добыча Черному Псу причиталась, едва ли нападение на вице-короля Индии стало его первым и последним боем...

Неужели всё растранижил?

И Билли Бонс, и Сильвер прямым текстом утверждают именно это. Но Сильвер-то, например, не транжира! Где его алмазы? Они явно никак не учитываются при перечислении Джоном Сильвером его пиратских заработков: «девятьсот фунтов стерлингов у Ингланда да тысячи две у Флинта».

Почему же бережливый Сильвер не вспоминает про свои алмазы? Почему владеет дешевой распивочной для моряков «Подзорная Труба», а не более солидным и доходным заведением?

В поисках ответа надо принять во внимание вот что: моряк с тропическим загаром и серьгой в ухе едва ли мог запросто ввалиться к первому попавшемуся ювелиру и выложить на прилавок даже самый маленький алмаз, стоимостью равный его, моряка, жалованью за несколько лет службы. Потому что в торговом флоте жалование морякам алмазами не выплачивают. В военном тоже. Неизбежно последовал бы вопрос: откуда дровишки? При чем спрашивающей стороной могли бы оказаться королевские судебные чиновники, а на другом конце цепочки вопросов и ответов высилась бы виселица.

Обращаться пришлось бы к торговцам не самым честным... К барыгам, выражаясь сегодняшним языком.

Дефо в «Истории пиратов» упоминает, что после знаменитой дележки алмазов вице-короля многие пираты из экипажа Ингланда пытались реализовать свою долю в Кочине, голландской колонии на Малабарском побережье Ост-Индии. Кочинские голландцы весьма лояльно относились к пиратам: снабжали припасами, скупали добычу, даже продавали за бесценок каперские лицензии (правда, не признаваемые другими странами). «История пиратов» опубликована в 1724 году, по горячим следам событий, – чем завершилась эпопея с алмазами вице-короля, Дефо не знал и своим читателям не сообщил...

Но один крайне любопытный оборот в речах Джона Сильвера дает нам понять, как обернулось дело.

В оригинале Сильвер (только он) ругается словами «голландец» и «голландские отродья» – в значении мошенники, негодяи, нехорошие люди... Редиски, в общем. В изначальном переводе Н. Чуковского эта речевая особенность начисто утеряна, в некоторых других присутствует.

С чего бы такое отношение к родственной нации? К единоверцам, можно сказать? В семнадцатом веке, во время ожесточенных англо-голландских войн, в Англии и в самом деле появились жаргонизмы, связанные с голландцами. Но те войны давно отгремели, а в конце семнадцатого столетия на британском престоле так и вовсе оказался голландец – Вильгельм Оранский, и использовать «голландское отродье» в качестве синонима «подонка» стало, как ныне принято говорить, некорректно. А то и небезопасно.

Во времена Сильвера, в войнах восемнадцатого века голландцы чаще выступали союзниками Британии. С чего бы Долговязый Джон вспомнил старомодные, давно вышедшие из употребления идиомы? Почему для Сильвера слово «голландец» – грязное ругательство?

Всё очень просто: хитрые кочинские голландцы безбожно обманули при покупке алмазов и транжиру-Пса, и бережливого Сильвера, и остальных пиратов... Либо не заплатили, либо заплатили сущие гроши. И на много-много лет стали для злопамятного Долговязого Джона синонимом воров и прохиндеев.

А Черный Пес вернулся на родину вовсе не таким богатым человеком, как надеялся.

Зато в другом ему повезло. Десятилетие, последовавшее после окончания Войны за испанское наследство (завершившейся Утрехтским миром в 1714 году), – на редкость удачное время для завершения пиратской карьеры и легализации.

Дело в том, что долгие десятилетия, даже века британцы всячески потакали пиратам как орудию борьбы с военно-морским могуществом Испании. В 1714 году положение измени-

лось, Испания была вынуждена открыть свои порты для английских торговцев, контроль за морскими путями между Новым и Старым Светом перешел к Англии. Приоритеты сменились: надо было охранять свою морскую торговлю, а не разрушать чужую. Пираты из невольных союзников превратились во врагов, и борьба с ними активизировалась необычайно. Боролись методом кнута и пряника: объявляли широчайшие амнистии и параллельно организовывали военные экспедиции против тех, кто не желал амнистией воспользоваться.

В 1720 году практически любой пират мог явиться к ближайшему губернатору и заявить, что сдается на милость короля согласно акту амнистии... Джентльменам удачи выписывалось «свидетельство» – индульгенция за прошлые грехи, и даже главные орудия производства, то есть пиратские корабли, у них не изымались: плавайте, торгуйте, доставляйте негров из Африки... Короче, занимайтесь чем-то полезным.

Но к рецидивистам, повторно поднявшим черный флаг, закон был безжалостен. Никаких вторичных амнистий: попался – на виселицу.

Черный Пес рецидивистом не стал. Иначе с чего бы ему грозить Билли Бонсу виселицей? Оба повисли бы на ней... Но правовой статус у двух бывших пиратов разный: Пес «завязал» очень вовремя и наверняка имеет бумагу, отпускающую ему прежние грехи. Билли Бонс завершил карьеру гораздо позже, когда получить прощение от властей стало значительно сложнее.

Сложно – не значит нельзя. За хорошую мзду колониальные чиновники были готовы добела отмыкать самых черных кобелей. Выписывая, например, задним числом каперские свидетельства... Но так легко (и бесплатно), как в конце 10-х – начале 20-х годов, амнистию получить было уже невозможно.

* * *

А чем занимался Черный Пес последние двадцать лет своей жизни в Англии?

Работа его была связана с морем, Хокинс свидетельствует: «На моряка он был мало похож, но я всё же почувствовал, что он моряк».

Как же он это почувствовал? Экстрасенсорно? В переводе ответа нет, а в оригинале он появляется: *smack of the sea* – вот что, оказывается, почувствовал юный Хокинс. Запах моря. Никакой экстрасенсорики, банальное обоняние.

Но что в данном случае надо понимать под ароматом моря? Иногда мы называем так легкий запах соли и гниющих водорослей, но здесь не тот случай, – Джим всю жизнь прожил на побережье, к запаху этому привык и замечать его не должен.

Скорее, с морем – с моряками, с кораблями – у Хокинса ассоциировался запах смолы. Других антисептиков для дерева в те времена практически не существовало, и просмаливали на кораблях всё, что можно, вплоть до матросских косичек.

Получается, что Пес в море выходил, но плавал не в далекие страны – где-то здесь, неподалеку, под хмурым английским небом и скупым солнышком. Может быть, мирно трудился матросом на каботажном судне, совершавшем рейсы вдоль британских берегов?

Однако все последовавшие события приводят нас к другому выводу: Черный Пес трудился, и на судне, но не совсем мирно... Занимался контрабандой. Не в одиночестве, а в составе небольшой шайки, возглавляемой слепым Пью. Нет сомнений, что люггер, куда отступила часть шайки после налета на «Адмирал Бенбоу», принадлежал ей (возможно, принадлежал единолично Пью, что объясняет авторитет беспомощного слепца у подчиненных – старые, времен пиратства, заслуги давно уже потускнели).

Конечно, люггер шайка Пью могла нанять, но зачем? К чему бессмысленные расходы, если до «Адмирала Бенбоу» можно прекрасно добраться по суше? Использовать этот вид транспорта имелся резон только в одном случае – если суденышко принадлежало Пью и его присным.

Очень важно: мы привыкли считать, что в качестве антагонистов выступает *одна* шайка, состоящая из бывших пиратов. На деле же шаек *две* – одну возглавляет Сильвер, другую слепой Пью.

Билли Бонс спасается и прячется именно от первой шайки, от людей Сильвера. О существовании второй он знать не знал до самого появления в «Бенбоу» Черного Пса. Напомним, как экс-штурман подражает Джима нести для него караульную службу. Кого должен был высматривать юный Хокинс? Одноногого. О слепце или о трехпалом ни слова не сказано, хотя увечья у обоих тоже достаточно приметные... Но Бонс ничуть не опасается ни Пью, ни Пса. Он уже почти забыл об их существовании.

Отношения между двумя шайками не самые дружеские, скорее напоминающие вооруженный нейтралитет. Не случайно Долговязый Джон не взял никого из людей Пью на борт «Испаньолы». Почему туда не попал Черный Пес, понятно, – был бы немедленно опознан и разоблачен Хокинсом. Но остальные? Хокинс знал имена по меньшей мере двоих из них (Дэрок и Джонни), хорошо слышал разговоры и, возможно, мог опознать голоса... Но откуда про это знают экс-пираты? И откуда они могут знать, что Хокинс отплывет вместе с ними в качестве юнги? Ведь Джим объявился в Бристоле лишь накануне отплытия...

Знать они не могли. Но на борт «Испаньолы» не попали. Сильвер не взял. Почему? Ведь людей ему не хватало, пришлось даже пригласить нескольких матросов, никогда прежде пиратством не промышлявших, и вербовать их уже в ходе плавания... Отчего же эти вакансии не были заполнены людьми Пью?

Очевидно, потому, что на золото Флинта они никаких прав не имели. Они плавали с Инглендом, долю свою получили полностью, – и нечего примазываться к чужой добыче.

Но завербованные неофиты? Они ведь тоже не добывали в жестоких абордажных схватках зарытые на острове сокровища?

Не добывали. Но кто сказал, что они бы их получили? Подробно описан лишь один из обращенных в пиратскую веру – некий Дик Джонсон. Пират из него, как молоток из бутылки, – при опасности хватается не за мушкет, а за Библию, которую постоянно носит с собой... Неужели он получил бы ту же долю сокровищ, что и остальные? Нож под ребро он бы получил от матерых головорезов Флинта, когда дело дошло бы до дележки. Два других «честных» матроса – Том и Алан – тоже не бойцы и позволяют себя зарезать без сопротивления.

Черный Пес и его коллеги по шайке Пью люди другого замеса. Они в королевских таможенников стреляют, не задумываясь. Они спиной к Сильверу, как Том, поворачиваться не стали бы. Они при благоприятной okazji (например, если бы составили большинство среди уцелевших) сами бы переделали добычу в свою пользу, пистолетами и тесаками.

Так что «теневого» капитан Сильвер действовал вполне логично, формируя экипаж «Испаньолы»: лучше взять нейтральных людей, чем бандитов покойного Пью.

* * *

Но позвольте, может спросить внимательный читатель, а как тогда получилось, что Черный Пес явился к Билли Бонсу за картой? Откуда он вообще знал об этой карте, если «завязал» как минимум за полтора десятка лет до того, как были зарыты сокровища?

Здесь можно задать встречный вопрос: а где и когда сказано, что он приходил за картой? Разговор Хокинс не слышит, лишь отдельные громко произнесенные слова и фразы, но о карте ничего не прозвучало... Потом, уже после знакомства с ланцетом доктора Ливси, обескровленный Бонс говорит в полубреду: бандиты, дескать, охотятся за сундуком и картой... Но он в ту минуту много чего говорит. Например, что поделится с Хокинсом, отдаст ему половину сокровищ. Сберечь карту, не отдать ее, – идея-фикс у Билли Бонса, и неудивительно, что в

болезненном бреде эта тема всплывает. Но отсюда никак не следует, что именно карта стала темой разговора экс-штурмана и Черного Пса.

Наш тезис о том, что карта Черного Пса никак не интересовала, попробуем доказать от противного. Итак, допустим, что все наши построения в корне не верны. Допустим, никакого разделения бандитов на две шайки нет, все они – и Пью, и Сильвер, и Билли Бонс, и Черный Пес – плавали с Флинтсом до самого конца, до его смерти в Саванне. Затем Бонс умыкнул карту и сбежал с ней в Старый Свет, в Англию. Шайка устремилась за ним в погоню, причем в полном составе (это логичнее, чем посылать в Англию часть пиратов, – захватившие карту могли бы в свою очередь не пожелать делиться).

Итак, пираты Сильвера – Пью ищут Билли Бонса по всем Британским островам. Возможно, один раз находят, но Билли успевает скрыться.

И вот напасть на след вторично посчастливилось именно Черному Псу. Он появляется в деревушке, начинает расспросы и выясняет, что неподалеку, в стоящем на отшибе трактире, не так давно поселился отставной моряк, по всем приметам – вылитый Билли Бонс.

Именно так всё происходило, в «Бенбоу» Пес заявился, где-то разжившись предварительной информацией. А где, кроме деревушки, он ее мог получить?

До сих пор картинка складная. Но дальше начинается свистопляска несуразностей и нелепостей.

Что должен был сделать Черный Пес, получив информацию о скрывающемся Билли Бонсе?

Вариантов несколько. Если после рассказов селян оставались какие-то сомнения, надо было проверить – точно ли старый кореш Билли поселился в «Адмирале»? Привычки бывшего штурмана хорошо известны жителям деревни, в частности, привычка подолгу гулять на морском берегу. Можно понаблюдать за ним издали, из укрытия, не приближаясь. Убедиться своими глазами.

Затем надо отправиться с докладом к начальству, к Пью и Сильверу. Либо, если есть опасение, что Билли Бонс может проведать о расспросах в деревушке и дать дёру, – остаться наблюдать за «Бенбоу» и послать кого-то из местных с весточкой к Сильверу, благо Бристоль не дальний свет. И спокойно дожидаться подкрепления.

А что же делает вместо этого Черный Пес?

Нечто очень странное, совершенно неуместное для человека, и в самом деле охотящегося за картой.

Он идет в «Адмирал Бенбоу» и действительно убеждается, что ошибки нет, – но тут же вступает в разговор с бывшим штурманом. Никакой попытки, убедившись, известить Сильвера или Пью, не предпринимает, – увидел, подошел, заговорил.

Зачем?

Ясно, что карту Бонс не отдаст. Не для того он бегал и прятался, чтобы вот так взять и отдать Черному Псу. Более того, Пес опасается, что дело может завершиться поножовщиной (и правильно опасается). И как это понимать? Зарежет Бонс Пса и снова смоемся. Зарежет Пес Бонса – а где гарантия, что карту Билли держал при себе, а не припрятал где-нибудь?

Между тем схватки с применением холодного оружия избежать очень легко – достаточно явиться к Бонсу не в одиночку, а впятером или вшестером. Старый штурман отморозок, но всё же не самоубийца, затевать драку при таком соотношении сил не станет...

Но допустим даже, до тесаков дело бы не дошло. Допустим, Бонс попросту послал бы Черного Пса в пешее эротическое путешествие, или куда там еще было принято посылать в Англии восемнадцатого века... И что? Возвращаемся к исходной ситуации: надо лично или с гонцом известить Сильвера и Пью. Лишь одна вводная меняется: Бонс теперь в курсе, что вычислен, и в бега ударится без всяких сомнений.

Вывод: если бы Пес действительно стремился добыть карту, он никогда не стал бы делать это так глупо, как описывает Хокинс...

Но если Пес приходил не за картой, то эпизод вообще лишается смысла. Зачем он появился? Выпить стаканчик рома, пригрозить Билли Бонсу виселицей, получить рану в плечо и довести противника до сердечного приступа?

Чтобы вернуть смысл и логику в визит Черного Пса, надо еще раз вернуться к тому, чем разговор завершился. Итак:

«Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательств, стол и скамьи с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь клинков, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Черного Пса, со всех ног бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Их кортики были обнажены. У Черного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан замахнулся кортиком и хотел нанести убегающему еще один, самый страшный, удар и несомненно разрубил бы ему голову пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске, внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него».

Кортики, как мы помним, на самом деле зовутся катлассами, но даже если заменить коротенькие кортики в руках пиратов на длинные тесаки, представить эту сцену зримо не получается... Вывеска мешает.

Ведь где обычно висит трактирная вывеска? Снаружи, над дверью. Если вывеска широкая, нижний край ее может оказаться вплотную к краю дверного проема, но уж никак не ниже его...

Вариант с вывеской, висящей в отдалении от двери, – перпендикулярно стене на металлическом кронштейне, – рассматривать не будем. Во-первых, так размещали относительно небольшие вывески на узких улицах городов, иначе идущий по тротуару человек попросту не заметит прижавшуюся к стене вывеску у себя над головой; в «Бенбоу», стоящем на отшибе в сельской местности, тратиться на кронштейн нет резонов – здесь нужна вывеска большая, издали заметная с дороги, а морской берег по определению место ветреное, большая вывеска будет парусить, сгибая и ломая кронштейн. Во-вторых, Джим, остававшийся внутри трактира, не смог бы разглядеть, как Бонс рубанул по вывеске такого фасона.

Итак, вывеска расположена вдоль стены. Клинок Билли Бонса, пытающегося зарубить выскакивающего из дома человека, мог оставить след на ней в одном лишь случае – вывеска висела над дверью *внутри* трактира. Иначе никак. Иначе клинок зацепился бы за стену над дверью или за дверной наличник, но никак не за вывеску.

Но зачем вывеска внутри? Чтобы посетители не позабыли часом, в каком именно заведении выпивают? Ахинея какая-то...

Именно так. Полная ахинея весь рассказ Джима Хокинса о приходе и уходе Черного Пса. Но один значимый и бесспорный момент во всей этой ахинее есть – зарубка на вывеске, которую «до сих пор можно видеть». Наглядное, так сказать, свидетельство...

Есть подозрение, что не останься этого свидетельства – сцена с визитом Черного Пса в мемуаре Хокинса не появилась бы. Лишний эпизод. Историю о том, как карта перекочевала от Билли Бонса к Джиму Хокинсу, вполне можно начать с визита слепого Пью и с вручения черной метки.

Но зарубка оставалась видна до времен сочинения мемуара – и вызывала вопросы посетителей... И то, как беспомощно и неумело Хокинс пытается объяснить ее наличие, свидетельствует: истинная история появления этого следа на вывеске Джиму весьма неприятна... Чем-то его компрометирует... Нельзя ее излагать, короче говоря.

Мы попробуем эту историю восстановить, исходных данных достаточно.

Но прежде задумаемся над одним странным совпадением: в трактире «Адмирал Бенбоу» постоянно живут четыре человека – трио Хокинсов и Билли Бонс. И двое из четверых – Бонс

и мистер Хокинс-старший – заболевают и умирают, хотя в самом начале истории оба вполне дееспособны. Практически одновременно оба слегают и умирают с разницей в пару дней...

С чего бы такая синхронность? Только ли оттого, что обоих лечил странный доктор Ливси? Но заболели-то они сами... Почему одновременно?

Причем удивительно вот что: Хокинс практически ни слова не говорит нам о том, от чего умер его отец. А ведь родной человек как-никак... Болезни Бонса в мемуаре посвящено гораздо больше строк.

А то, о чем Джим столь старательно умалчивает, достойно самого пристального внимания. В отличие от настойчиво повторяемого, от навязываемого читателю...

Допустим, Черный Пес действительно приходил в «Бенбоу», действительно поговорил с Джимом Хокинсом – тот отметил цвет лица Пса, услышал историю о его сыне и т. д. Но интересовался Черный Пес отнюдь не Билли Бонсом – мистером Хокинсом-старшим. Трактир как место для разговора по ряду причин не устраивал бывшего пирата, а ныне контрабандиста. Он велел Джиму передать, что будет ждать его отца на улице, и покинул «Адмирал Бенбоу».

А затем произошло вот что...

Реконструкция № 1: Визит Черного Пса

В один из январских дней 1746 года мистер Хокинс-старший вышел из «Адмирала Бенбоу» на деловую встречу. Встреча происходила неподалеку, на открытом воздухе и напрямую касалась теневой стороны бизнеса м-ра Хокинса.

Деловой партнер м-ра Хокинса, мистер Черный Пес, уже поджидал в условленном месте и после обмена приветствиями задал главные вопросы, послужившие причиной и поводом для данной встречи. Если более или менее вежливо изложить суть вопросов, то состояла она в следующем: не случались ли в последнее время с уважаемым м-ром Хокинсом тяжелые травмы черепа, вызванные падениями с лестницы или иными внешними воздействиями? Не пил ли уважаемый м-р Хокинс в последнее время некачественные спиртные напитки, способные нарушить мозговую деятельность? Проще говоря, с какого бодуна уважаемый м-р Хокинс объявил о повышении ровно в три раза тарифов на пакет услуг, предоставляемых м-ром Хокинсом своим деловым партнерам, интересы которых он, м-р Пес, в настоящий момент представляет?!

В качестве дополнительной информации м-р Пес сообщил, что человек он семейный, и семья его имеет обыкновение кушать три раза в день, равно как имеет ряд других потребностей, удовлетворение каковых он, м-р Пес, считает своим супружеским и родительским долгом, исполнению какового объявленные м-ром Хокинсом новации однозначно препятствуют.

В ответ м-р Хокинс сообщил, что сам отягощен семейными узами и проистекающими из них обязанностями, вследствие чего вполне понимает резоны м-ра Пса. И рассчитывает на ответное понимание м-ром Псом того факта, что длительное и беспрепятственное осуществление м-ром Хокинсом бизнеса, связанного с оказанием услуг деловым партнерам, интересы которых м-р Пес в настоящий момент представляет, было бы невозможно без определенной (и не совсем безвозмездной) поддержки со стороны лиц, как облеченных официальными полномочиями, так и просто пользующихся большим авторитетом в округе. И повышение тарифов, о котором м-р Хокинс искренне сожалеет, отражает ни в коем случае не его, м-ра Хокинса, желание увеличить личные доходы, но единственно основано на новых условиях сотрудничества, ультимативно выдвинутых рекомыми лицами.

В ответ м-р Пес предложил консенсусный вариант: он, м-р Пес, займется с рекомыми лицами плотской любовью в извращенной форме, а тарифы пусть останутся прежними.

М-р Хокинс предложенный вариант отверг как контрпродуктивный.

Дальнейшие переговоры свелись к изложению сторонами аргументов, подтверждающих их первоначальные позиции, причем форма изложения становилась всё более эмоциональной в ущерб логике.

Закончился обмен мнениями тем, что м-р Пес вынул из ножен тесак и попытался использовать его в качестве последнего, самого убедительного аргумента.

М-р Хокинс счел подобный формат дискуссии для себя неприемлемым и покинул место встречи, направляясь в сторону «Адмирала Бенбоу» с максимальной возможной скоростью.

М-р Пес последовал за ним, догнал и применил-таки тесак. М-р Хокинс пошатнулся, но остался на ногах и продолжил движение в сторону трактира. В дверях упомянутого заведения м-р Пес попытался еще раз, более эффективно, применить свой аргумент, но зацепился им за край вывески, оставив глубокую зарубку, доступную для обозрения даже спустя многие годы после происшествия...

Комментарий к реконструкции № 1

Не слишком ли смелые выводы на основе одного-единственного повреждения вывески?

Не слишком. Если не вводить новые сущности, никак иначе это повреждение не объяснить. А если вводить, то любые рассуждения теряют смысл: рассечь вывеску мог кто угодно, хоть Годзилла, поднявшийся из вод Бристольского залива.

Вывеска явно разрублена ударом снаружи – значит тот, кто спасался от удара, искал спасения в доме. И это был не Черный Пес – если даже предположить, что его разговор с Бонсом состоялся на улице и закончился схваткой на тесаках. С чего бы Псу пытаться укрыться в логове своего врага, в его, так сказать, штаб-квартире? Еще меньше оснований предполагать, что убегающим был Бонс – тот мастер рукопашного боя, что продемонстрировал, быстро разобравшись с Черным Псом (как именно произошла разборка, чуть позже).

Хокинс-старший – идеальный кандидат на роль человека, спасавшегося в «Адмирале». Становятся понятны причины его болезни, так странно совпавшей по времени с болезнью Бонса. Становятся понятными причины гробового молчания Хокинса-младшего об этой болезни...

Надо полагать, дальше события развивались так: спасения Хокинс-старший в трактире не нашел, попросту не успел запереть за собой дверь. Пес ворвался следом за ним, возможно, успел нанести еще одну рану.

Но тут на сцене появился – спустился по лестнице в общий зал трактира – Билли Бонс, направляющийся на свою ежедневную прогулку: подзорная труба под мышкой, тесак в ножнах у пояса.

Неожиданная встреча стала шоком для обоих пиратов. Если Пес просто безмерно удивился, обнаружив в «Бенбоу» своего бывшего начальника, то у Билли немного съехала крыша: Пес с окровавленным тесаком в руках наверняка охотится за Бонсом и заветной картой! Бонс выхватывает свое оружие и мчится рубить врага в капусту.

В изложении дальнейшего можно поверить Хокинсу: схватка, лязг стали, опрокинутая мебель, бесславная ретирада Черного Пса и обморок Билли Бонса... Пожалуй, выдумана лишь история с ранением Пса – Хокинс должен был как-то объяснить цепочку кровавых пятен у двери «Адмирала Бенбоу», наверняка многие видели их на снегу в тот день. Или на земле, зимы в Южной Англии малоснежные.

Так что болезни Бонса и Хокинса-старшего совсем не случайно начались одновременно... И завершились одновременно не случайно – обоих лечил доктор Ливси, а у этого своеобразного медика пациенты долго не болели.

Глава шестая. Крестный отец Трелони

Но кто же, выражаясь современным языком, «крышевал» бизнес мистера Хокинса-старшего? Кто прикрывал его шашни с контрабандистами?

Крышевали и прикрывали два человека. Сквайр Трелони и доктор Ливси. Последний, разумеется, в ипостаси не доктора, а мирового судьи.

В доле был еще один человек, таможенный надзиратель мистер Данс, но его роль сугубо подчиненная. Однако именно нюансы в поведении мистера Данса, неосмотрительно сообщенные нам Джимом Хокинсом, позволяют выстроить цепочку доказательств преступного сговора.

Итак, рассмотрим поведение таможенного надзирателя мистера Данса в исторический вечер налета шайки слепого Пью на трактир «Адмирал Бенбоу».

Мистер Данс получает известие, что в бухте Киттова Дыра маячит какой-то неопознанный люггер. Люггер, напомним, излюбленный контрабандистами тех времен тип судна – скоростной, маневренный, с малой осадкой, позволяющей подходить близко к берегу... Но в данном случае появление люггера никак с контрабандой не связано, на нем прибыла шайка слепого Пью. Мистер Данс, впрочем, этого не знает. И реагирует так, как и положено честному таможеннику: отправляется к Киттовой Дыре во главе отряда своих подчиненных.

А вот дальше начинается странное... Пью погибает, шайка его разбегается в разные стороны, некоторые разбойники отступают к берегу, к своему люггеру. Мистер Данс их преследует... но очень странно преследует, словно боится догнать. Вот как это происходит: «Но стражники спешили и осторожно спускались по склону, ведя лошадей под уздцы, а то и подерживая их, и постоянно опасаясь засады. И, естественно, к тому времени, когда они добрались наконец до бухты, судно уже успело поднять якорь, хотя и находилось еще неподалеку от берега».

Вопрос: а зачем таможенники потащили с собой лошадей, замедлявших спуск к бухте? Почему не оставили одного человека наверху в качестве коновода и не двинулись быстро, налегке? Зачем им лошади на берегу, у самого моря? Куда мистер Данс собрался скакать по волнам?

Ответа нет. И не может быть. Совершенно не нужно спускать лошадей в темноте с берегового склона, с риском поломать им ноги, – если и вправду желаешь поймать контрабандистов. А вот если задача стоит обратная – дать контрабандистам время погрузиться на люггер и отчалить, то всё сделано правильно.

Из чего следует вывод: подчиненные мистера Данса не в курсе его тайных делишек. Иначе не стоит затевать возню с лошадьми, можно приказать: перекурим, ребята, спешить не в наших интересах. Но зачем посвящать мелких сошек в тайные дела? Чтобы делиться с ними левыми доходами? Ни к чему, достаточно, чтобы в доле был начальник – он, получив предупреждение, всегда может сделать так, чтобы в нужный день и час таможенники ловили контрабандистов не в Киттовой Дыре, а на другом конце графства.

Но никаких предупреждений касательно того вечера мистер Данс не получал. Он явно в растерянности и не понимает, что происходит. Пожаловали чужаки, какие-то непонятные сторонние контрабандисты? Или же предупреждение не дошло до него по каким-либо причинам?

Поэтому мистер Данс спешит очень медленно. Неторопливо. Но когда добирается до моря, люггер еще рядом с берегом.

Мог ли Данс опознать люггер и понять, что на нем находятся люди, завязанные с ним в одном и том же бизнесе?

Нет, не мог. Он со «своими» контрабандистами никак не контактировал и судов их ни разу не видел. Данс просто получал (скорее всего, от Хокинса-отца) информацию: в такой-

то день он и его таможенники никоим образом не должны оказаться поблизости от Киттовой Дыры. И они там не оказывались. Но на сей раз, по понятным причинам, никакой информации к Дансу не поступило...

И вот что происходит:

«Данс окликнул его. В ответ раздался голос, советовавший ему избегать освещенных луной мест, если он не хочет получить хорошую порцию свинца. И тотчас же возле его плеча просвистела пуля.

Вскоре судно обогнуло мыс и скрылось. Мистер Данс, по его собственным словам, чувствовал себя, стоя на берегу, точно «рыба, выброшенная из воды». Он сразу послал человека в Б... чтобы выслали в море куттер».

Любопытно, как именно мистер Данс окликнул люггер? Эй вы, на судне, не вы ли тут, часом, разгромили трактир «Адмирал Бенбоу»? И какого ответа ждал?

Как бы то ни было, ответ не задержался, – пуля, посланная с борта судна. Однозначный ответ и суровый.

Что должен был сделать мистер Данс в таком случае? Совсем рядом с ним люггер, на котором предположительно укрылись люди, подозреваемые в разбойном нападении. К тому же, уже без всяких предположений, только что начавшие стрельбу по королевскому чиновнику при исполнении – дело не просто подсудное, но ведущее напрямик на виселицу.

Самое малое, что должен был сделать мистер Данс, – открыть ответный огонь. У него отряд в шесть человек – шестью мушкетами на малой дистанции можно легко и просто превратить работу с парусами и снастями люггера в самоубийственное занятие. И никуда злодеи не уплывут, а для перестрелки у них положение самое невыгодное – люггер освещен яркой луной, любой человек на палубе – мишень. А таможенники укрыты береговой тенью...

И что? А ничего. Мистер Данс в бой не вступает, торчит на берегу, как рыба, выброшенная из воды.

Может быть, у таможенников не было мушкетов? А чем они тогда боролись с контрабандистами? Увещеваниями? Хотя бы пистолеты непременно должны были состоять на вооружении у таможи. И шесть пистолетов, наведенные на ярко освещенный луной люггер, тоже никуда бы ему уплыть не позволили.

Но люггер уплыл. А мистер Данс отправил человека в Б... (в Бристоль?), чтобы выслали куттер.

Куттер – еще более скоростное суденышко, чем люггер. Многие типы современных гоночных яхт несут парусное вооружение, в общем-то скопированное у куттеров. Но пока человек мистера Данса вскарабкается на берег, опять-таки ведя лошадь в поводу, – осторожно, неторопливо, чтобы та не сломала ногу в какой-нибудь расщелине. Пока доберется до Б... (если это Бристоль, то Хокинс ехал туда целую ночь в почтовом дилижансе). Шансов на успешную погоню у куттера никаких. Мистер Данс и сам это прекрасно понимает, говоря: «Но всё это зря, они удрали и их не догонишь...»

Понимает, но гонца за куттером всё же шлет. Зачем? Лишнее оправдание перед своим таможенным начальством?

Если бы мистер Данс всерьез собирался задержать контрабандистов в Киттовой Дыре, таможенный куттер стоило подтянуть к месту операции заранее: тот перекрыл бы выход из бухты, а отряд мистера Данса сухопутные пути отступления, – и всё, контрабандисты в ловушке.

Вывод: мистер Данс прибыл к Киттовой Дыре отнюдь не охотиться за контрабандистами. Лишь изображать такую охоту.

И еще любопытно: люггер уплыл, а мистер Данс возвращается к «Адмиралу Бенбоу». Но внутрь трактира заходит без подчиненных, лишь в сопровождении Джима Хокинса. Рядовые таможенники отправлены в деревушку...

А почему, собственно? Ведь шайка Пью при тревоге бросилась врассыпную, кто-то к морю, а кто-то от него... Трое, а то и четверо бандитов на люгтере не уплыли, и всё еще бродят где-то неподалеку (мистер Данс это знает от Хокинса). Есть ли гарантия, что они не решат всё же закончить дело и не вернуться в трактир? Нет такой гарантии.

Но мистер Данс неоправданно рискует и отпускает подчиненных. Хотя парочка вооруженных парней в подобной обстановке явно не помешает. Очевидно, мистер Данс не знает, что сейчас увидит в трактире, и спешит избавиться от лишних глаз. Вдруг разбойники распотрошили в «Бенбоу» какую-нибудь комнату, какую-нибудь неприметную кладовочку, потайной складик, – и разбросали повсюду, например, пачки виргинского табака, отнюдь не украшенные таможенными марками? Или еще какую-нибудь явную контрабанду?

Оправдались опасения мистера Данса или нет – Хокинс о том, естественно, нам не сообщает. Зато подкидывает еще одну весьма красноречивую деталь – мистер Данс, выслушав подробный рассказ Джима о происшествии, решает, что столкнулся с делом, явно превышающим его разумение. И говорит очень примечательные слова: «Доктор Ливси – джентльмен и судья. Пожалуй, и мне самому следовало бы съездить к нему или к сквайру и доложить о происшедшем».

Как это понимать? Доклад доктору Ливси в его ипостаси судьи еще можно как-то понять, но при чем тут сквайр? Он никаких официальных постов не занимает. С какой радости должен ему о чем-то докладывать государственный чиновник?

Да и доктор Ливси для Данса никоим образом не начальник. В обязанности мировых судей входило много чего, они имели право:

- налагать штрафы, принуждать «праздных людей» к работе по найму или к занятию ремеслами;
- регулировать условия найма батраков, разрешать конфликты между хозяевами и рабочими;
- решать вопросы о праве на жительство в данной местности и о признании бродягами лиц, не работающих по найму;
- подвергать взысканию лиц, уклонявшихся от посещения англиканской церкви;
- задерживать застигнутых при совершении преступления;
- разгонять незаконные сборища;
- руководить местной полицией;
- ведать земскими тюрьмами...

Список длинный, но в нем ни слова о таможене и контрабандистах. Таможня – служба королевская, местной власти никак не подчиняющаяся. Полное название должности мистера Данса – королевский таможенный надзиратель, и судья Ливси ему ни с какой стороны не начальник. Не говоря уж о сквайре Трелони. Начальство Данса сидит в Лондоне, в фискальном ведомстве.

Однако мистер Данс собирается ехать на доклад именно к этим двум людям, к доктору и сквайру. Хотя по закону никак, никоим образом им не подчиняется. Значит, отношения «начальник – подчиненный» существуют между ними незаконно? Значит, да. В Лондон уйдет совсем другой доклад – о старательной, но безуспешной попытке изловить контрабандистов.

А Ливси и сквайру предстояло услышать иное: непонятные люди разгромили «Адмирал Бенбоу» (перевалочный пункт «своих» контрабандистов), непонятный люгтер шатался в давно приватизированной Киттовой Дыре... Как всё это понимать, мистеру Дансу не ясно. И что делать, непонятно. И хотелось бы получить разъяснения и указания.

Спустя какое-то время мистер Данс оказывается в усадьбе Трелони перед обоими джентльменами, перед доктором и сквайром. Сцена доклада, кстати, описана Хокинсом крайне любопытно:

«Таможенный надзиратель выпрямился, руки по швам, и рассказал все наши приключения, как заученный урок. Посмотрели бы вы, как многозначительно переглядывались эти два джентльмена во время его рассказа!»

Красота... Королевский чиновник навтыяжку стоит перед двумя развалившимися в креслах людьми, – и рапортует, словно школьник учителям. Нет, кто бы ни считался официальным начальником мистера Данса, но в жизни он подчиняется сквайру Трелони. И наверняка получает за это деньги. Потому что никакого дополнительного вознаграждения за свой старательный рапорт Данс не обрел – его поблагодарили, ему налили кружку пива, – и довольно бесцеремонно выставили.

Причем выставили тоже примечательно. Доктор говорит не самому Дансу, а сквайру следующие слова: «Когда Данс выпьет пива, ему, разумеется, надлежит вернуться к своим служебным обязанностям». Иди, дескать, работай, будешь нужен – позовем.

Но реплика доктора обращена к Трелони и выглядит как совет, с которым сквайр соглашается. И нам становится ясно, кто самый главный в этой небольшой и неформальной организации, к королевской таможне имеющей весьма косвенное отношение.

Данс уходит. Хокинс остается. Как ни странно, его статус в организации выше, чем у Данса. Что не совсем понятно – опасно и глупо вовлекать в незаконные дела мальчишку, пусть даже унаследовавшего «Адмирал Бенбоу» со всей его тайной изнанкой...

Ничего странного. Хокинс не мальчишка, хоть и именуется именно так на протяжении всего мемуара. Но иногда проговаривается... Про эпизод со схваткой на тесаках во время штурма блокады мы уже вспоминали – жестокий рукопашный бой занятие явно не мальчишечье.

Забегим вперед и рассмотрим еще один эпизод, произошедший много позже: Хокинс захватывает «Испаньолу», убивает Хендса, после чего избавляется от второго тела, от мертвого ирландца О'Брайена: «Я поднял его за пояс, как мешок с отрубями, и одним взмахом швырнул за борт».

Одним взмахом... Через фальшборт... Как мешок с отрубями... Мальчишка – тело взрослого мужика. Сколько лет мальчонке-то?

Хокинс – никакой не мальчик. Хокинс – молодой человек, причем физически весьма развитый. Не швыряют мальчишки взрослых мужиков за борт одним взмахом. Такое и мужчине не каждому под силу.

* * *

А зачем сквайр Трелони прикормил таможенного надзирателя Данса настолько, что стал для него прямым и главным начальником?

Надо полагать, именно для того, чтобы тот не обращал внимания на контрабандные товары, проходящие через «Адмирал Бенбоу». Чем еще может быть полезен таможенный чиновник? Пожалуй, ничем...

История мистера Данса стара, как мир, – маленькое жалованье, большие полномочия, люди, готовые платить за приватные услуги... «Редрут, договорись с таможней!» – «Таможня дает добро, сэр!»

Мистера Данса понять можно. Но как понять сквайра Трелони? Ему-то зачем связываться с контрабандой? По всем ведь признакам он очень состоятельный человек...

Признаки обманчивы. В деньгах зимой 1746 года сквайр Трелони нуждался отчаянно. Отчего так получилось, мы разберемся чуть позже. А пока лишь констатируем факт: среди прочих источников дохода сквайра есть и доля от потока контрабандных грузов, проходящих через трактир Хокинсов. Со всякой шушерой, вроде Черного Пса, сквайр не общался. С получателями товаров тоже. Он общался с посредником, с мистером Хокинсом-старшим, получая

из его рук свою долю. Общался с Дансом. Общался с доктором Ливси – дабы подчиненная мировому судье местная полиция сквозь пальцы смотрела на перевозчиков, развозивших по суше товары от места выгрузки.

Предположив ранее, что юный Хокинс об отцовском бизнесе знал или догадывался, но активно в нем не участвовал, мы поспешили. Не так уж Хокинс юн, коли одним взмахом швыряет взрослых мужиков за борт. И отец вполне мог заранее привлечь отпрыска к семейному делу. Косвенно об этом свидетельствует описание того, как Хокинс и его мать добрались до денежного мешка Билли Бонса: «Тут были собраны и перемешаны монеты самых разнообразных чеканок и стран: и дублоны, и луидоры, и гинеи, и пиастры, и еще какие-то неизвестные мне. Гиней было меньше всего, а мать моя умела считать только гинеи».

Как интересно... Юному Джиму, кроме родной валюты, известны французские луидоры... И испанские дублоны... И колониальные пиастры, они же мексиканские доллары... Откуда? По дальним странам он не путешествовал, впервые покинул Англию лишь позже, на борту «Испаньолы». На Британских островах дублоны хождения не имели (в качестве резервной валюты в середине восемнадцатого века использовались муадоры, золотые монеты Португалии, находившейся с Англией в тесной военно-политической унии; муадоры были вписаны в английскую денежную систему и равнялись двадцати восьми шиллингам).

Может быть, дублонами и луидорами изредка расплачивались моряки, забредавшие в «Адмирал Бенбоу»? Может быть. Но тогда мать Хокинса тоже должна быть знакома с этими монетами и представлять их обменный курс – как иначе отсчитывать сдачу? Но она с ними не знакома. Она знает лишь родные английские гинеи.

По надписям незнакомые монеты Джим опознать не мог, ведь на них не чеканили «1 луидор» или «1 дублон», названия это народные (первое происходит от имени короля Людовика, второе от номинала, равного двум пистолем). Откуда у Хокинса-младшего нумизматические познания? Надо полагать, что значительную часть контрабандного потока составляли колониальные товары и товары с континента. Их поставщики вполне могли расплачиваться за услуги Хокинсов и колониальной валютой, и французской, и испанской... Если эти деньги так или иначе бывали в руках Хокинса-младшего, можно предположить, что он тоже был в деле. Помогал отцу и готовился стать его преемником.

Тогда понятно, почему Данса отослали, а Хокинса оставили. Данс – пешка, продавшийся незадорого чиновник. Джим Хокинс – партнер в бизнесе, хоть и младший.

* * *

Однако встает вопрос: мог ли английский джентльмен, более того, крупный землевладелец, зарабатывать деньги, активно потворствуя контрабандистам? Насколько это было «по понятиям»?

Понятия того времени о том, что допустимо для джентльмена, а что нет, весьма отличаются от «морального кодекса» нашего времени. Английский джентльмен мог снарядить за свой счет корабль, получить приватирский патент и разбойничать на морских путях, – и остался бы джентльменом, принятым в высшем обществе и пользующимся всеобщим уважением.

Но если тот же джентльмен, оказавшись в трудных жизненных обстоятельствах, открыл бы галантерейную лавку и встал бы за ее прилавок, – подвергся бы всеобщему осуждению, даже бойкоту. Никто из джентльменов руки ему бы не подал, в гости бы не приехал и сам на порог отщепенца не пустил бы...

Насколько участие в делах контрабандистов приемлемо для английского джентльмена того времени?

Вполне приемлемо. Землевладелец мог обложить контрабандистов, действующих на его землях, налогом в свою пользу. Заодно следить, чтобы никто не обижал людей, приносящих ему доход.

И простые жители не побежали бы с доносами – народное мнение в те годы считало контрабандистов отнюдь не разбойниками и негодьями. Наоборот, героями и народными заступниками. Дело в том, что первые короли ганноверской династии сидели на троне не прочно, сами это понимали и спешили урвать побольше. Давили налогами англичан не по-детски... Про драконовский Джин-акт мы уже поминали, а были еще разорительные налоги на соль, на солод, на многое другое... Дешевые контрабандные продукты и товары помогали очень многим сводить концы с концами. Что порождало сочувственное отношение масс к контрабандистам.

За доказательствами далеко ходить не надо. Откроем другой роман Стивенсона, «Владелец Баллантрэ». Там есть примечательная сцена: сын крупного землевладельца лорда Деррисдира в компании управляющего сидит у окна, любителю закатом. А неподалеку трудятся контрабандисты.

«Из окон открывался вид на залив, на небольшой лесистый мыс и длинную полосу песчаных отмелей. И там, на фоне закатного солнца, чернели и копошились фигуры контрабандистов, грузивших товар на лошадей».

То есть контрабандисты даже дожидаться полной темноты не стали, действуют дерзко, с полной уверенностью в своей безнаказанности.

И что? Сын и управляющий поднимают тревогу? Нет. Шлют гонца властям: караул, на нашей земле нарушают законы королевства? Нет. Пытаются своими силами покончить с беззаконием? Нет.

Сидят и смотрят как на рутинное зрелище... Сын лорда даже вздыхает мечтательно: дескать, он «был бы много счастливее, если мог бы делить опасность и риск с этими нарушителями закона».

Неужели контрабандисты открыто и нагло нарушали закон во владениях лорда, ничего не отстегивая землевладельцу? Конечно нет. Да и таможня наверняка в доле, иначе стоило хотя бы дождаться темноты для выгрузки нелегальных товаров...

Примерно та же идиллическая картина наблюдается и во владениях сквайра Трелони... Дело налажено, всё хорошо, все довольны, все при своем интересе. И вдруг ситуация взрывается! Посланец контрабандистов гоняется с тесаком за Хокинсом-старшим, затем вся шайка громит трактир «Адмирал Бенбоу» – собственную перевалочную базу... Как с цепи сорвались.

Может быть, карта и сокровища капитана Флинта так ослепили экс-пиратов, что они решили плюнуть на свой налаженный бизнес? В общем-то куш достаточный, чтобы навсегда позабыть о контрабанде...

Но откуда давно забросившие пиратство контрабандисты узнали о карте Флинта? От другой шайки, от Сильвера и его людей?

Едва ли. Когда Сильвер и остатки экипажа Флинта оказались в Англии, какие-то контакты с Пью и его сообщниками они наладили, сомнений нет. Сильвер, например, неплохо информирован о том, как Пью жил в минувшие годы... А Черный Пес после гибели слепца и распада его шайки приходит к Сильверу в таверну, – вполне вероятно, в поисках новой работы... Но зачем делиться секретной информацией о карте? Достаточно сказать примерно так: встретите где-нибудь известного вам У. Бонса – пришлите весточку, отблагодарим.

А то ведь Пью и сам мог позариться на сокровища Флинта, оставив Сильвера за кормой. У Пью есть судно, люггер, а у Сильвера нет. Вообще-то люггеры для походов через океаны никак не предназначались, – для каботажек, для плаваний по внутренним морям. Но по беде, если подопрет, и на люггере через Атлантику махнуть можно. У каравелл Колумба и у драккаров викингов мореходные качества были не лучше, и ничего, плавали через океан и обратно... Или

можно вспомнить юность золотую и взять с люггера на abordаж торговый шлюп, небольшой, но приспособленный для океанских плаваний...

Короче говоря, у Пью с его люггером гораздо больше возможностей превратить карту Флинта в груды золота, чем у Сильвера с его таверной «Подзорная Труба». Сильвер это хорошо понимал и никогда не поделился бы с Пью информацией о карте.

* * *

Откуда, от кого в таком случае шайка Пью узнала о карте? Ведь бандиты заявили в «Адмирал Бенбоу» именно за ней?

А кто сказал, что они пришли за картой? Джим Хокинс? Правдивость Джима нам уже известна. Кто и что может подтвердить его слова?

Могла бы подтвердить мать, миссис Хокинс. Но миссис лежала в глубоком обмороке, когда контрабандисты громили трактир, и слова Пью, принуждавшего их искать карту, слышал лишь Джим. Вернее, сообщил нам, что слышал.

В качестве доказательства Хокинс предъявляет разгромленный «Адмирал Бенбоу», – вот, мол, посмотрите, что натворили проклятые разбойники в поисках карты!

Ну а как еще мог объяснить Хокинс разгром? У нас, дескать, с отцом был насквозь криминальный бизнес, вышли терки и недоразумения с партнерами, – и вот что они учудили нам для острастки? Такое объяснение не годится, и Хокинс-младший спешно выдумывает новое. Даже не выдумывает, а берет первое попавшееся, выдвинутое в полубреду Билли Бонсом, только что лишившимся целого тазика крови...

Между прочим, в оригинале Пью и его молодчики во время погрома слово «карта» вообще не употребляют, звучит, и то лишь раз, «Flint's fist», дословно «рука Флинта», т. е. «бумаги Флинта», написанные именно его рукой. Но и это единственное упоминание выдумал Хокинс.

Шайка Пью не искала карту в «Адмирале Бенбоу». Пью о ней просто-напросто не знал.

Попробуем доказать этот тезис, как и в случае с Черным Псом, «от противного». Предположим, что Джим прав: Пью действует заодно с Сильвером и действительно охотится за картой. Как в таком случае понимать эпизод с черной меткой?

В четыре часа пополудни Пью приходит в трактир, вручает метку Билли Бонсу и тут же уходит. На метке написано: «Даем тебе срок до десяти вечера».

А зачем Бонсу дают такой большой срок – шесть часов? Чтобы он успел собраться и бежать? Происходи дело летом, такой вопрос не стоял бы, – достаточно установить наблюдение за трактиром и Бонс не скроется.

Но на дворе январь, «Адмирал Бенбоу» расположен на отшибе, следить за ним можно, только находясь под открытым небом. Шесть часов на холоде ни один наблюдатель не выдержит – надо организовывать их смену, и горячую пищу для сменившихся, и место, где люди будут дожидаться заступления на пост... Короче говоря, надо организовать караульную службу в полном объеме.

Зачем такие хлопоты? Пусть, дескать, Бонс помучается, целых шесть часов ломая голову: отдать карту или нет?

Чтобы взвесить все «за» и «против», часа вполне хватит.

Хуже того, Бонс мог ведь и не покидать трактир. Он мог послать кого-то за помощью и за шесть часов дожидаться ее. Следить за каждым, покидавшим в эти шесть часов трактир, – не побегит ли тот к таможенникам или к судье Ливси? Нереально.

Но допустим, что шесть часов – срок, отражающий какие-то неведомые нам пиратские обычаи. Никак нельзя было давать меньше... Так ведь бандиты сами тот срок не выдержали, явились, когда не было еще и семи. Причем сначала пришел слепой Пью в одиночестве, как бы

на разведку. Никудышный из слепого разведчик, но Пью потащился-таки. И, понятное дело, много не разведал. Что дверь заперта, убедился, но не более того.

Вскоре слепой возвращается вместе со всей шайкой. Но почему среди них нет Сильвера, если и он в деле? Почему он доверил важнейшие поиски слепому, который не заметит карту, даже если она будет валяться под ногами? И его подчиненным, бестолковым и нерадивым? Те отыскивали мешочек с золотом в сундуке – и считают, что дело сделано, вечер пропал не зря, можно отправляться пропивать добычу, на карту им уже наплевать... Как умный и расчетливый Сильвер мог понадеяться на таких бездарных исполнителей?

Бандиты обнаруживают: дверь не заперта, Билли Бонс мертв, сундук его вскрыт, карта исчезла. И что же они делают? Они громят «Адмирал Бенбоу» – под предлогом поиска хозяев дома, умыкнувших карту. Хотя дверь, совсем недавно запертая, а теперь открытая, могла бы навести на кое-какие мысли... Но не навела.

Искали бандиты старательно. Даже часы со стены сорвали. Не иначе как подозревали, что Хокинс и его мать засели в часах на манер кукушки. Но никого не нашли, потому что Хокинсы прятались не в трактире, – неподалеку, под мостиком.

Этот мостик – крайне загадочная конструкция. Через что он перекинут? Через ручей, речушку, канаву? Через арык? Через противотанковый ров? Ни до, ни после Хокинс никаких ручьев и канав вблизи дома не упоминает.

Допустим, ручей был настолько примелькавшейся деталью пейзажа, что Хокинс его уже не замечает и упоминать не считает нужным. Но тогда и мостик рядом с трактиром ему прекрасно известен. Но Джим словно бы видит его впервые: «По счастью, мы проходили мимо какого-то мостика...»

Что значит «какого-то»? Там что, вся дорога – сплошные мостики и Джим их вечно путает?

Под мостиком Хокинс не сидел. Придумал этот эпизод, чтобы объяснить, каким образом он умудрился подслушать разговоры бандитов Пью. Чтобы приписать им поиски карты в качестве главной цели визита...

А они карту не искали. Они просто громили трактир. Это и была главная цель.

Чуть позже Хокинс сам признает: «Мне сразу стало ясно, что мы разорены». А почему ему стало ясно? Он упоминает про часы, сорванные со стены, возможно, механизм их поврежден, – однако не на часах же основывалось благосостояние Хокинсов. Да и профессию часовщика никто не отменял. Какие еще убытки могут проистекать из поиска карты? Всё перевернуто вверх дном? Прибраться, и дело с концом. Разбита посуда? Убыток, конечно, но не разорение... Иначе первая же пьяная драка с битьем посуды пустила бы на дно семейный бизнес Хокинсов.

Чтобы весьма серьезно ударить по карману Хокинсов, достаточно было спуститься в винный погреб и пробить днища у бочек со спиртным. А заодно перебить бутылки. Но зачем тратить на это время, если ищешь карту и только ее? Никто ведь не будет прятать ценные бумаги в бочонок с пивом. Или в бутылку с ромом.

Вариант номер два: пришельцы уничтожили товар, Хокинсу не принадлежавший, но за который он нес полную ответственность. Контрабанду, проще говоря. Свои товары, конечно же, шайка Пью уничтожать не стала бы, но наверняка не только их люггер пользовался услугами Китовой Дыры и «Адмирала Бенбоу».

Однако целенаправленно уничтожать товар (рубить, например, тесаками рулоны контрабандной материи) и искать карту – несколько разные занятия. Совместить их трудно, надо выбирать главное...

Если бы бандиты искали карту, Хокинс и его мать понесли бы убытки, но не были бы разорены. Значит, карта тут ни при чем, поиски карты Хокинс выдумал...

А шайка Пью просто громила трактир. Сводила счета. Продолжала начатое Черным Псом – учила недобросовестных партнеров, как надо вести дела, а как не надо.

Билли Бонс, уверенный, что весь мир мечтает добраться до его ненаглядной карты, неверно истолковал значение черной метки. На самом деле черная метка, присланная ему, означала одно: убирайся отсюда до десяти вечера! Ведь в предыдущем эпизоде с участием Черного Пса экс-штурман выступил (в результате собственной ошибки) в качестве защитника Хокинсов. Мог и в тот вечер испортить всё веселье – тесаком владел виртуозно, да и две пары пистолетов из сундука Бонса нельзя сбрасывать со счетов – четыре выстрела, неожиданно сделанные из укрытия, могли серьезно изменить расклад сил.

Можно предположить, что Хокинс кое о чем умолчал, описывая второй приход Пью. Слепец не просто подергал запертую дверь и ушел. Какой смысл? Проверить, заперта ли дверь (коли уж этот вопрос так волновал бандитов), можно было послать любого из подчиненных Пью, более молодого и к тому же зрячего.

Но Пью поковылял сам. И что-то он говорил под запертой дверью, с чем-то громко обращался к Бонсу – с чем-то таким, что Билли никак не смог бы оставить без ответа. Но Бонс не ответил по уважительной причине недавней смерти.

Пью, вернувшись, дает команду своим головорезам: приступаем, Бонса там уже нет, ни к чему выжидать до десяти вечера...

И начинается погром.

* * *

Но зачем Трелони взорвал стабильную ситуацию и нарушил сложившуюся систему, всех устраивавшую? Зачем стал требовать резкого увеличения своей доли? Что за странный приступ жадности? Какая муха укусила сквайра?

Ответы на эти вопросы – в следующей главе.

Глава седьмая. Тайная жизнь доктора Ливси

Дальнейшее исследование невозможно, если не упомянуть коротко об историческом фоне событий, описанных в мемуаре Хокинса.

Зима 1746 года – крайне напряженный период в истории Великобритании.

Идет война, жестокая война сразу на нескольких фронтах, раскиданных по всему миру.

Английская армия воюет в Европе – и неудачно. В мае 1745 года в битве при Фонтенуа, упомянутой доктором Ливси, французы разбили англо-ганноверско-голландскую армию герцога Кумберлендского.

Война идет в Индии – и там дела тоже оборачиваются плохо. Французы подступают к Мадрасу, к тогдашней столице британских владений в Индии, город откупается от нашествия за огромную сумму в два миллиона. Затем французы нарушают соглашение и все-таки захватывают Мадрас.

Война идет на Северо-Американском континенте, воюют не только англичане с французами, но и племена индейцев, поддерживающие тех и других. На этом театре военных действий победа в общем и целом клонится на сторону англичан, но он далеко не главный...

Война идет на всех морях и океанах, с переменным успехом, – и с регулярными флотами Франции и Испании, и с многочисленными приватирами, они же каперы.

Хуже того, война пришла и на Британские острова. Внутренняя война, гражданская. В августе 1745 года в Шотландии высадился с несколькими сподвижниками принц Карл Эдуард Стюарт, он же Молодой Претендент, он же Красавчик Чарли, – молодой и харизматичный лидер якобитов. Немедленно вспыхнуло восстание – местное население издавна поддерживало свергнутую династию Стюартов, по крови шотландцев.

Отряды горцев стекались к принцу со всех сторон и вскоре он стоял во главе настоящей армии – в сентябре занял Эдинбург, столицу Шотландии, затем разбил в сражении при Престонпанс (Prestonpans) правительственную армию.

Других войск у короля Георга в метрополии не было, все оказались разбросаны по дальним фронтам, по разным странам и даже континентам. В конце осени принц Чарли пересек англо-шотландскую границу и двинулся в сторону Лондона.

Марш получился беспрепятственный, но отнюдь не триумфальный. Повсеместные восстания населения, на которые так рассчитывали якобиты, не вспыхивали. За тридцать лет народ притерпелся к иноземной ганноверской династии.

Рис. 5. Карл Эдуард Стюарт, он же Молодой Претендент.

Сторонников у Стюартов было много, особенно на национальных окраинах, в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. Но только Шотландия восстала открыто. Среди влиятельных английских землевладельцев-тори тоже хватало противников короля Георга, симпатизирующих Стюартам. Но и они заняли выжидательную позицию...

Армия принца Чарли дошла до Дерби, до Лондона оставалось чуть больше сотни миль... В столице царил паника, Георг Второй обдумывал варианты бегства в родной Ганновер.

Но якобиты приостановили наступление. Не рискнули идти на Лондон без ярко выраженной народной поддержки. К тому же из Европы спешно перебрасывались войска герцога Кумберлендского...

Армия принца Чарли вернулась обратно, в Шотландию, и встала на зимние квартиры, планируя весной повторить поход. После более тщательной подготовки, разумеется. Возникло неустойчивое равновесие: военные действия зимой не велись, но война агитационная, пропагандистская вспыхнула с небывалой силой.

Эмиссары принца так и сновали между Шотландией, Ирландией, Уэльсом и районами Англии, традиционно поддерживавшими Стюартов. Уговаривали, убеждали, подкупали...

Естественно, золото для такой деятельности требовалось в больших количествах.

* * *

В наших построениях, касающихся слепого Пью и Черного Пса, до сих пор зиял провал немалых размеров. Вот какой: если Пью занимается контрабандным бизнесом, если он владелец или совладелец люггера, то почему нищенствует на дорогах? Просит милостыню почему?

А если Пью действительно нищий, если люггер ему не принадлежит, а нанят лишь для акции в «Бенбоу», то откуда у нищего побирušки деньги на аренду судна?

Ладно бы о нищете Пью говорил лишь Хокинс, склонный искажать истину, но ведь о ней вспоминает Сильвер при обстоятельствах, когда лгать смысла нет. Внешность бывает обманчива, и встречаются очень богатые нищие, но Сильвер говорил не просто о сборе милостыни как о способе заработать, – он прямо утверждал: Пью бедствовал, Пью не мог прокормиться.

Якобитский мятеж 1745–1746 годов позволяет легко и просто объяснить это противоречие.

Дело в том, что после принятия Джин-акта одним из главных объектов контрабанды стал джин, нелегально производимый в Шотландии. В густонаселенной Англии заниматься подпольным винокурением значительно труднее, а в горной Шотландии глухих укромных уголков хватало. И стояли там неприметные сараюшки, и побулькивали в них перегонные кубы, а конечный продукт вывозился морем в Англию. Многие прославленные ныне сорта шотландского джина и виски зародились там, на подпольных заводиках.

Если допустить, что Пью и Черный Пес занимались ввозом спиртного из Шотландии, якобитский мятеж мог очень сильно подорвать им коммерцию. Например, партия уже оплаченного Пью и подготовленного к отправке джина была конфискована якобитами и выпита за здоровье Карла Эдуарда Стюарта.

Пью потерял оборотный капитал, возможно даже не свой, заемный... Дела у шайки резко пошли под гору, торговый оборот упал, приходилось искать подработку на стороне, – а чем еще мог подработать слепой, кроме как сбором милостыни?

Неудивительно, что Черный Пес взбеленился и схватился за тесак, узнав о новом ударе, нанесенном их бизнесу сквайром Трелони и мистером Хокинсом-старшим. Дела и без того хуже некуда, а тут такая подстава со стороны старых партнеров...

Неудивительно, что взбеленился Пью и принял решение разгромить «Адмирал Бенбоу» – едва ли слепцу, привыкшему командовать контрабандистами, доставляло удовольствие просить гнусавым голосом милостыню во славу Господа и короля Георга...

* * *

Кстати, в связи с восстанием якобитов можно вспомнить еще один эпизод, подтверждающий правильность нашей датировки событий.

Один из матросов «Испаньолы» насвистывает песенку «Лиллибуллери». С таким вот припевом:

Lero Lero Lillibullero
Lillibullero bullen a la
Lero Lero Lero Lero
Lillibullero bullen a la

А это не простая песня... «Лиллибуллери» – оружие в политической борьбе. Сатирическая и политическая песенка, высмеивающая католическую династию Стюартов. Сочинили ее в 1686 году, а пик популярности пришелся на 1688 год, на так называемую «Славную революцию», свергнувшую короля Иакова II Стюарта с британского престола.

Затем песенка потеряла актуальность, стала забываться... В 1745–1746 годах тема борьбы со Стюартами вновь стала необычайно злободневной. Подзабытую песенку вытащили на свет божий, стряхнули пыль, подновили текст, – и пустили в дело.

В те времена не существовало радио, ТВ, Интернета, газетная публицистика находилась в зачаточном состоянии. И тем не менее информационные войны велись очень активно. Для читающей публики сочинялись и издавались отдельными брошюрами политические памфлеты, крайне популярные в восемнадцатом веке. Для граждан неграмотных выпускался пропагандистский продукт попроще, – сатирические песенки вроде «Лиллибуллери».

Неграмотный матрос, насвистывающий «Лиллибуллери», – отличная примета времени, еще раз убеждающая: дело происходит в 1746 году.

Но на самом деле не всё так просто... Вполне может быть, матрос насвистывал вовсе не ее. Дело в том, что об этом сообщает нам доктор Ливси – и сам, пардон за каламбур, занимается художественным свистом.

Итак, матрос свистит на берегу, вернее, в вытащенной на берег шлюпке, а доктор слышит свист с палубы «Испаньолы». До берега недалеко, треть мили по перпендикуляру, но шлюпки находятся не напротив корабля – в стороне, в устье речушки, там, где удобно причалить и высадиться.

Допустим, до шлюпок половина морской мили, то есть чуть больше девятисот метров, почти километр. Трудновато услышать, что насвистывает матрос... Тихой ночью и над спокойной водой еще можно. Но стоит день, рокошет прибой, чайки с громкими криками ловят рыбу (о чем упоминал Хокинс), в лесу на острове тоже наверняка кричат птицы, потревоженные матросами... Или у Ливси феноменальные уши-локаторы, как у летучей мыши, или доктор нам банально соврал.

Матрос-свистун, кстати, не слышит с берега, что происходит на борту «Испаньолы». А там происходят события, сопровождаемые не то что насвистыванием – громкими криками. «Вниз, собака!» – кричит капитан Смоллетт на одного из матросов. Но на берегу никто не обращает на крик внимания...

Так что Ливси, скорее всего, не мог расслышать, что именно исполняет матрос: мелодию «Лиллибуллери», или «Лили Марлен», или что-то еще... Да и не важно. Интересно другое: доктор приписывает антиякобитскую песенку человеку нехорошему – пирату, мятежнику, убийце... Не «Интернационал» приписывает, не «Сундук мертвеца», не «Взвейтесь кострами, синие ночи», – именно «Лиллибуллери».

Почему?

Всё очень просто. Доктор Ливси – сам якобит.

* * *

Эмиссары принца Чарли, конечно же, не могли оставить без внимания Бристоль и его окрестности. Пункт стратегический... С севера над Бристольским заливом нависает Уэльс, давний оплот Стюартов, еще севернее – Манчестер, где якобитские традиции тоже были сильны.

На северо-западе, за нешироким Ирландским морем, – Ирландия, католическое население которой всегда принимало сторону претендентов-католиков. Да и Славная революция окончательно победила на Зеленом острове на два года позже, чем в Лондоне – лишь в 1690 году, когда ирландская армия во главе с Иаковом Стюартом была разбита при Бойне...

И сам город Бристоль традиционно поддерживал Стюартов. Во время гражданской войны в Англии город до конца оставался на стороне короля Карла I Стюарта. Большинство окрестных землевладельцев принадлежало к партии тори. А приверженцы этой партии давно уже раскаялись, что некогда объединились с вигами и устроили Славную революцию – при ганноверской династии виги постоянно находились у власти, тори – постоянно в оппозиции, и нетрудно догадаться, члены какой партии получали чины, награды, высшие государственные должности... Да и госаппарат на местах формировался не из оппозиции. Короче говоря, землевладельцы-тори весьма сочувствовали делу Молодого Претендента и восставших якобитов.

Возможно, если бы доктор Ливси был бристольским джентри, он и сам бы принадлежал к партии тори и симпатизировал бы якобитам...

Да только он не местный. Он приехал в те края совсем недавно. Скорее всего, через месяц или два после битвы при Фонтенуа... Незадолго до высадки принца Чарли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.